А.М. Никулин

АГРАРНИКИ, ВЛАСТЬ И СЕЛО

От прошлого к настоящему

Александр Никулин

Аграрники, власть и село. От прошлого к настоящему

«РАНХиГС»

2014

УДК 316.334.55
ББК 66.54

Никулин А. М.

Аграрники, власть и село. От прошлого к настоящему /
А. М. Никулин — «РАНХиГС», 2014

ISBN 978-5-7749-0937-7

В книгу вошли очерки, посвященные жизни и интеллектуальному наследию ряда замечательных российских и зарубежных аграрников XIX–XXI вв. Через все аналитические описания аграрников проходит сквозная тема их взаимодействия с государственной и местной властью по поводу перспектив и альтернатив развития российского села. Читатель встретится в этой книге с разнообразной палитрой аграрных воззрений и проектов как знаменитых профессоров, так и безвестных крестьян, выступающих от имени народничества и либерализма, марксизма и консерватизма, аполитизма и анархизма. Многие проанализированные здесь известные и полузабытые аграрные идеи и концепции остаются, безусловно, актуальными для экономической и социальной политики современного российского села. Книга рекомендуется не только для специалистов, но и для всех интересующихся историей и современностью российского сельского развития.

УДК 316.334.55
ББК 66.54

ISBN 978-5-7749-0937-7

© Никулин А. М., 2014
© РАНХиГС, 2014

Содержание

Предисловие 7
А. И. Васильчиков: миссия секунданта[1] 10
Судьба секунданта 11
Сельскохозяйственный быт 14
Местное самоуправление 18
Правящая власть 24
Ф. А. Щербина: столетние парадоксы семейных бюджетных исследований[42] 29
Путаница в сведениях о семье 31
Путаница в сведениях о хозяйстве 33
Тревожность 36
А. В. Чаянов: исследования, утопии, планы среди социальных катастроф[60] 37
Многообразие народнохозяйственных систем 38
Реальные и утопические аграрные экономики 43
Система государственного коллективизма – совхозный план 1930 года 48
Реальность колхозного животноводства – «фотография» для выставки 53
В ссылке: жизнь, работа и гибель 58
Советские аграрники 1920-х: от Германии к Америке 65
Поиски международных аграрных ориентиров: между Германией и Америкой 1910–1920-х годов 66
Н. М. Тулайков: популяризация достижений американского сельского хозяйства 70
Н. П. Макаров: от популяризации американского сельского хозяйства к его теоретическому осмыслению 73
Конец ознакомительного фрагмента. 76

Александр Никулин
Аграрники, власть и село.
От прошлого к настоящему

Посвящается моему отцу Никулину Михаилу Петровичу

Рецензенты
Б. З. Докторов, доктор философских наук;
А. В. Соболев, доктор экономических наук

© ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2014

Предисловие

В эту книгу вошли тексты, посвященные жизни и интеллектуальному наследию ряда замечательных российских и зарубежных аграрников XIX–XXI вв. Часть текстов уже публиковалась в некоторых академических и публицистических изданиях, часть текстов публикуется впервые.

Понятие «аграрник» многозначно, прежде всего оно означает тип мышления и действия, направленные на постижение особенностей сельской жизни в ее разнообразных проявлениях: политэкономических, социокультурных, аграрно-технологических, регионально-географических.

Понимаемое таким образом мышление и поведение аграрника, по существу, междисциплинарно и мультипрофессионально. Большинство аграрников, которых я описываю в этой книге, несмотря на, как правило, некую изначальную сельскую специализацию, на протяжении своей жизни, волей или неволей, в той или иной степени проявляли себя экономистами и политиками, социологами и культурологами, а также чиновниками, менеджерами и сельскими хозяевами.

Через все мои биографически-интеллектуальные описания аграрников проходит тема их взаимодействия с властью государственной и местной (в ее царской, советской и постсоветской ипостасях) по поводу перспектив и альтернатив развития российского села.

Взаимодействие это, как убедится читатель, никогда не было простым, аграрники в целом весьма критически относились к аграрной политике власти, за что власть их часто подозревала в политической неблагонадежности и профессиональном саботаже. В сталинский период многие из упоминаемых здесь аграрников поплатились за свои убеждения длительными сроками тюремного заключения, политических репрессий, смертной казнью. Впрочем, тех из них, кто жил до Сталина, пережил его или жил после него, как правило, также не миновала чаша больших и малых политических неприятностей.

Хотя мои очерки написаны в различной манере, для них все же характерна некая общая повествовательно-аналитическая структура, основными элементами которой являются: биографическое описание аграрника; его мировоззрение, его научные, общественные, порой личные проекты, которые он стремился реализовать в своей жизни; его взаимоотношения с властью; осмысление житейского и интеллектуального пути героя; значение этого пути для нас.

Что касается осмысления этого значения, то подзаголовок моей книги «от прошлого к настоящему» особо подчеркивает, насколько идеи, дела и поступки аграрного прошлого присутствуют в нашей с вами жизни, насколько современная аграрная политика и само сельское развитие России во многом детерминированы так и неразрешенными конфликтами и задачами прошлого.

Хотя герои моих очерков жили в разные времена и придерживались часто различных, порой противоположных взглядов на пути сельского развития, в их личностной рефлексии, безусловно, прослеживается увлеченность осмыслением общих стратегических вопросов аграрной трансформации не только России, но и мира. К таким наиболее важным стратегическим проблемам можно отнести:

– взаимоотношения города и села, связанные с развитием индустриальных и аграрных отраслей экономики;

– взаимодействие государственного, муниципального и местного уровней управления селом;

– соотношение многоукладности крестьянского, рыночного, кооперативного и государственного хозяйства;

– взаимодействие крупных и мелких форм сельскохозяйственных предприятий;
– цикличность и альтернативность сельского развития;
– взаимодействие местной традиционной и современной глобальной культуры;
– особенности регионального сельского развития;
– в конце концов, проблемы достоверности самого аграрного знания.

Формируя представленную здесь коллекцию аналитических мировоззрений аграрников, я стремился объективно воссоздать обширную палитру их личностных политических и экономических воззрений. Читатель встретится в этой книге с аграрным народничеством и аграрным либерализмом, аграрным марксизмом и аграрным консерватизмом, аграрным аполитизмом и аграрным анархизмом и, надеюсь, убедится в современности ряда, к сожалению, полузабытых, аграрных идей и решений прошедших двух веков.

Открывая повествование обозрением актуальности мировоззрения аристократа-помещика князя А. И. Васильчикова, я далее обращаюсь к современному переосмыслению социологического исследовательского инструментария казака Ф. А. Щербины.

Рассматривая интеллектуальные и жизненные пути профессоров А. В. Чаянова и Л. Н. Литошенко, подчеркивая их изначальное противостояние в политэкономической интерпретации аграрной действительности, я констатирую конечную схожесть их гибели в системе сталинской машины репрессий.

Тема аграрного сотрудничества и противостояния Советской России и капиталистического мира рассматривается мной в анализе нескольких исторических сюжетов взаимного усвоения и развития советского и американского опыта ведения сельского хозяйства, нашедших отражение в интеллектуальных исканиях профессоров Н. М. Тулайкова, А. В. Чаянова, Л. Н. Литошенко, Н. П. Макарова, Г. А. Студенского, М. А. Кубанина, Т. И. Заславской, а также технократических проектах американских агроменеджеров Г. Уэйра, Л. Харриса, Т. Кэмпбелла.

Особую часть моих очерков составляют интеллектуальные истории российских аграрников-эмигрантов С. С. Маслова, П. А. Сорокина и А. Д. Билимовича об их стремлении вдали от Родины понять, предсказать, сформулировать возможные пути ее сельского будущего в связи с мировыми тенденциями аграрного развития.

Впрочем, когда и в Советской России появилась возможность открытого обсуждения путей ее сельского развития, среди многообразного хора аграрников времен перестройки и постперестройки я особо выделил и исследую интеллектуальный вклад замечательных советских аграрников – историка В. П. Данилова и социолога Т. И Заславской – в переосмысление альтернатив трансформации сельской России.

Наконец, в своем исследовании аграрных идей мы не можем ограничиваться лишь вслушиванием в интеллектуальные голоса аграрно-интеллектуальных элит. Для полноты и объективности воссоздания картины трансформации сельской жизни мы обязаны обращаться к голосам «снизу», к мировоззрению самих сельских жителей. Многие из них, несмотря на свою исключительную поглощенность сельским трудом и бытом, обладая даром уникальной личностной рефлексии, представляют свою оригинальную точку зрения на пути сельской жизни, их взаимодействие с властью и наукой.

Поэтому, уже не столько как историк-экономист, но как аграрник-социолог, в конце книги я разместил два биографических очерка-интервью с нашими современниками, моими сельскими респондентами – кубанским станичником Михаилом Голубом и черноземным крестьянином Николаем Добрым, с которыми я проводил многочасовые беседы о сельской жизни, записывая их на диктофон, в рамках социологических проектов, осуществленных Центром крестьяноведения, Интерцентром, МВШСЭН и Центром аграрных исследований РАНХиГС.

В заключение я обращаюсь с благодарностью к моим учителям – экономистам Л. В. Никифорову и Т. Е. Кузнецовой, социологам Т. Шанину и Дж. С. Скотту, под чьим безусловным интеллектуальным и нравственным воздействием создавалась эта книга.

А. И. Васильчиков: миссия секунданта[1]

В статье анализируются основные вехи становления и развития интеллектуального творчества Александра Илларионовича Васильчикова (1818–1881) – русского аристократа, являвшегося последовательным сторонником развития местного самоуправления сельской России, отстаивавшего пути демократических преобразований на основе сохранения и развития российских культурных традиций и обычаев. В социально-политических конфликтах, как в крепостнический, так и пореформенный период, между центральной бюрократией и сельской Россией Васильчиков последовательно становился защитником, своеобразным секундантом на стороне последней. Как и полагается настоящему секунданту, Васильчиков стремился предотвратить углубление конфликта, предостерегая противоборствующие стороны от возможных фатальных последствий усиливающегося противостояния.

[1] См.: Князь Васильчиков: заботы секунданта // История в подробностях. 2010. № 6. С. 56–69.

Судьба секунданта

По жизни судьба определила князю Александру Илларионовичу Васильчикову участь постоянного посредника, а порой и реального секунданта в личностных и классовых конфликтах своей эпохи. Этих посредничеств так было много, что иногда даже профессиональные историки полагают, что были разные Васильчиковы. Один, пожилой, получивший известность в правительственных и интеллектуальных кругах уже после 50 лет, – основоположник земского самоуправления и развития земской статистики, создавший фундаментальные труды по аграрному вопросу, – верный исследователь и заступник провинциальной России. Другой, юный, бесшабашный, в возрасте 24 лет бывший секундантом на стороне 26-летнего Лермонтова в его поединке с Мартыновым, не сумевший предотвратить гибель великого поэта. А это один и тот же князь Васильчиков, тот самый секундант Васильчиков.

Поколения земских статистиков и кооператоров с уважением как основоположника своих профессий вспоминали бывшего приятеля-сорванца великого русского поэта.

В советское время имя князя Васильчикова оставалось в основном известно только профессиональному кругу историков русской литературы и обществоведения. Долгое время единственной книгой, посвященной А. И. Васильчикову, было выпущенное еще в 1882 г. сочинение А. Голубева.[2] На рубеже XX–XXI вв. в социальных науках определенно возрастает интерес к интеллектуальному наследию А. И. Васильчикова, о чем свидетельствуют монографии А. Ю. Старостина[3] и И. А. Христофорова.[4] Важные биографические и историко-краеведческие аспекты деятельности Васильчикова как успешного хозяина-практика в своих образцовых помещичьих имениях были проанализированы в работах А. А. Найденова.[5]

Род Васильчиковых был не просто знатный и древний, из этого рода вышли многие влиятельные сановники России. Отец Васильчикова геройски генеральствовал в многочисленных сражениях с Наполеоном и в царствование Николая I являлся одним из ближайших советников императора. Сын Васильчикова, умерший в 1931 г. в эмиграции, также до самой революции являлся весомой персоной в экономической и политической жизни страны, одним из ключевых деятелей столыпинской реформы.

Сама же биография Александра Илларионовича Васильчикова сложилась следующим образом. В 1835 г. он поступил на факультет права Санкт-Петербургского университета и через четыре года успешно завершил свое обучение. Уже сам по себе этот выбор высшего образования был странен для юноши из такой богатой и аристократической семьи. Дело в том, что в большинстве своем отпрыски аристократии того времени предпочитали военное образованию гражданскому. Для князей Санкт-Петербургский университет был слишком штатским и слишком дворянско-демократическим учреждением. Но Александр Васильчиков пошел именно в университет. Его отец Илларион Васильевич Васильчиков, человек старой закалки, был не в восторге от выбора сына, но, тем не менее, препятствовать ему не стал, уважая сыновний выбор.

По окончании университета Васильчиков отправился с миссией барона Гана для административного обустройства Кавказа. Впрочем, миссию вскоре упразднили, а Васильчиков так и остался на Кавказе, где в кругу пятигорской молодежи подружился с Лермонтовым

---

[2] См.: *Голубев А.* Князь А. И. Васильчиков. Биографический очерк. СПб., 1882.

[3] См.: *Старостин А. Ю.* А. И. Васильчиков (1818–1881): политические идеи и концепции. М.: Изд-во МГУ, 2003.

[4] См.: *Христофоров И. А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам: Конец 1850 – середина 1870-х годов. М.: Русское слово, 2002.

[5] См.: *Найденов А. А.* Усадьба Трубетчино. Образцовое хозяйство князей Васильчиковых // Наследие народов Российской Федерации. 2003. Вып. 3. Земля Липецкая.

и в результате оказался его секундантом в роковой дуэли. За это Васильчиков был предан военному суду, впрочем суд над ним отменили по высочайшему повелению императора из уважения к отцу подсудимого. Васильчиков вернулся в столицу, где обращал на себя внимание критическим высказыванием собственных мнений по отношению к укреплению консервативных порядков николаевского царствования. Услужливые люди сообщили императору о неблагонадежности сына его министра. Николай соизволил встретиться с Васильчиковым-младшим и в беседе посоветовал ему: «Переменись!». Васильчиков вел себя в ответ так, что императору пришлось произнести свое «Переменись!» еще раз. Васильчиков после такого разговора вскоре решил уехать служить и жить в провинцию, что также в свете было воспринято как своеобразный вызов, ибо аристократам империи полагалось исполнять свою службу в центре, а не на периферии. Для Васильчикова потянулись длинные и неспешные годы в провинции, наполненные помещичьими заботами о хозяйстве и непосредственным участием в общественной жизни провинциального дворянства. Он служил последовательно уездным, а потом и губернским предводителем новгородского дворянства. В годы Крымской войны Васильчиков добровольцем пошел на фронт. А в наступившее потом время реформ Александровского царствования Васильчиков прежде всего связал свою общественную деятельность с развитием земского самоуправления.

Совершенно неожиданно для окружающих в возрасте пятидесяти лет Васильчиков опубликовал объемный двухтомный труд «О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений».[6] Это произведение стало настольной книгой русских земских работников, объединяя в себе как описательный обзор международного и отечественного самоуправления, так и собственные многочисленные и глубокие аналитические наблюдения автора за развитием земств в России.

Так в Васильчикове обнаружился дар мощного и оригинального литератора, публициста, аналитика. В 1876 г. он публикует капитальный двухтомный труд: «Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах».[7] В эти же годы Васильчиков выпускает еще несколько брошюр по проектам правительственных реформ в области губернского управления,[8] народного образования,[9] сельской экономики.[10]

В центре всех этих сочинений стоит стремление автора найти оптимальные пути развития российского общества через органичное встраивание традиционных укладов российской общественной и хозяйственной жизни в необходимые демократические преобразования.

К этому времени имя Васильчикова пользовалось в целом заслуженным авторитетом среди интеллектуальных и властных кругов России. Тем не менее у такого разностороннего и сложного мыслителя, каким был Васильчиков, имелось достаточно серьезных оппонентов, в том числе и весьма сердитых. В чем только они не обвиняли князя… Западники-либералы видели в нем славянофила новейшей формации.[11] Консерваторы считали его анархистом и социалистом.[12] Ревнивые академические профессора выставляли его амбициозным самоучкой с потешными пробелами в истории и теории общественных наук.[13] И упорно шел слух,

---

[6] См.: *Васильчиков А. И.* О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений: 3-е изд. Т. 1, 2. СПб., 1872.

[7] См.: *Васильчиков А. И.* Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах: в 2 т. СПб., 1876.

[8] См.: *Васильчиков А. И.* Русский администратор новейшей школы. Берлин, 1868.

[9] См.: *Васильчиков А. И.* Письмо министру народного просвещения графу Толстому от князя Васильчикова. Берлин, 187S.

[10] См.: *Васильчиков А. И.* Мелкий земельный кредит. СПб., 1876.

[11] *Leroy-Beaulieu A.* Le Socialisme agraric et le regime de la propriete en Europe// Revue des Deux Mondes. 1879. Mars.

[12] Journal de St. Petersburg. 1877. № 1.

[13] См.: *Герье В. И., Чичерин Б. Н.* Русский дилетантизм и общинное землевладение. М., 1878.

что так называемый друг-секундант Лермонтова на самом деле был его тайным недоброжелателем, умышленно не предотвратившим убийства гения.[14]

Князь иногда отвечал своим критикам – по делу, метко, кротко и с достоинством.[15] Но прежде всего он стремился работать. Его последняя небольшая книга «Сельский быт и сельское хозяйство в России»,[16] опубликованная в год смерти автора, стала своеобразным интеллектуальным завещанием, в котором следующее поколение российских социальных мыслителей нашло ценные идеи и рекомендации для развития собственных интеллектуальных исследований.

Уже серьезно больного Васильчикова тягостно поразило известие о смертельном покушении на Александра II. Фактически сознательная жизнь Васильчикова стремительно пробудилась после гибели выдающегося русского поэта, земная жизнь князя стремительно угасла после гибели замечательного русского царя.

[14] *Kelly L.* Lermontov. Tragedy in the Caucasus. L., 1977.

[15] См.: *Васильчиков А. И.* Несколько слов о кончине М. Ю. Лермонтова и о дуэли его с Н. С. Мартыновым//Русский архив. 1872. № 1.

[16] См.: *Васильчиков А. И.* Сельский быт и сельское хозяйство в России. СПб., 1881.

Сельскохозяйственный быт

Васильчиков, проживший большую часть своей жизни в сельской провинции, десятилетиями занимавшийся управлением своими имениями в Новгородской, Псковской, Ковенской, Тамбовской, Воронежской, Саратовской губерниях, накопил огромный и уникальный опыт наблюдений за особенностями экономического быта России. При этом в своих сочинения он часто признавался, что чем больше он вникал в текущую экономическую повседневность, тем она ему представлялась все сложнее и неоднозначнее и тем глубже поражала его способность бойких интеллектуалов-публицистов разных убеждений и возрастов безапелляционно судить о том, что происходит в народном хозяйстве России. Васильчиков этот свой «комплекс неполноценности» описывал следующим образом: «Как это – думал я – вот этот сановник, объехавший в одно лето по железным дорогам половину Российской империи, или журнальный репортер, переговоривший с мужичками об их нуждах и пользах, или писатель, никогда не видавший никакого селения, кроме Парголова и Новой деревни, или, наконец, юноша-социалист, пробывший несколько месяцев в какой-нибудь мастерской, – как это все эти господа, каждый, правда, со своей точки зрения, успели составить в своих кабинетах, вагонах и мастерских ясное представление о народной жизни, а я никак не мог расследовать в тех небольших околотках, где прожил несколько лет, степень благосостояния или нужды местных жителей, различить притворные жалобы, обманчивые показания от правдивых и составить себе полное понятие о действительном положении местного крестьянского хозяйства».[17]

Конечно, Васильчиков признавал, что с ним как с сиятельным барином крестьяне могли особо не откровенничать, но при этом он подчеркивал, что для крестьян любой незнакомый человек из города (журналист, социалист, чиновник) представляется более загадочным и, как следствие, более опасным, чем местный барин. Тем более что у князя Васильчикова за прожитые сельские годы образовалось много близких и постоянных отношений с крестьянами, способствовавших установлению достаточного доверия с обеих сторон. Тем не менее, неутомимо собирая и анализируя местную сельскую статистику, Васильчиков постоянно сталкивался с трудностями сбора элементарных сведений хотя бы о том, сколько крестьяне собирают и высевают хлеба в близлежащих селениях. На подобные расспросы князя крестьяне ему втолковывали: что поля у них неровные, а на урожай воля Божья, отчего и определить его нельзя, сколько было в хозяйстве суслонов и копен, крестьянин не помнит, потому что не считал и не записывал, так как человеку неграмотному и темному это ни к чему, ведь он хлебом почти не торгует, а так лишь им прокармливается.

А с другой стороны, не перестает удивляться Васильчиков, идет же в России сбор статистических сведений, да к тому же еще и анализируется, и работа эта, по наблюдениям Васильчикова, выглядела следующим образом: «В помещичьих конторах и волостных правлениях пишутся разные ведомости наобум, как попало, полуграмотными писарями; от губернского начальства и разных ученых обществ высылаются время от времени запросные пункты с непонятными для крестьян выражениями и сбивчивыми графами, эти таблицы и листки наполняются произвольными, вымышленными цифрами, никто из сельских жителей и сельских начальников не придает никакого значения этим исследованиям, они никем не поверяются; и в то же время из этих ведомостей и списков выводятся крупные итоги, которые публикуются во всеобщее сведение, входят даже в отчеты губернаторов и принимаются в руководство для экономических соображений и административных мероприятий».[18]

---

[17] *Васильчиков А. И.* Сельский быт и сельское хозяйство в России. СПб., 1881. С. 5.

[18] *Васильчиков А. И.* Сельский быт и сельское хозяйство в России. СПб., 1881. С. 19.

По Васильчикову, все это есть ничто иное как «добровольное, можно сказать, предумышленное ослепление»,[19] о котором все, более менее, и наверху и внизу определенно знают. И тем не менее по всем таким собранным фальшивым и ложным сведениям в государстве и обществе продолжают как судить о народном хозяйстве России, так и принимать по нему решения. Причину такой всеобщей статистической фальши Васильчиков находил в скором и формальном копировании европейских статистических образцов отечественной бюрократией. Так, еще в царствование Николая I основали соответствующие статистические комитеты со штатом по одному чиновнику на губернию, а, как известно, размер средней российской губернии равен размеру среднего европейского государства.

Васильчиков предлагал прекратить обманывать как себя, так и окружающих сбором фальсифицированных сведений, приступив к основательному и последовательному изучению народного быта и хозяйства. Для этого он выдвинул своеобразную аналитическую программу постижения основ хозяйственного быта пореформенной России.

Центральная проблема такого исследования звучит и для нашего времени вполне современно, это изучение причин и следствий богатства и бедности народонаселения, то, что сейчас называется изучением проблем социально-экономической дифференциации.

Более всего Васильчикова беспокоили формы и масштабы сельской бедности в России. Небогатая крестьянская семья, находившаяся где-то на границе нижнего среднего уровня, по наблюдениям Васильчикова, состоявшая в то время из мужика, бабы и нескольких детей, как минимум должна была иметь лошадь, корову, несколько голов мелкого скота и обрабатывать при этом все полевые полосы своего надела. Такая семья в целом пользовалась уважением и доверием в местном сообществе, имея собственный голос в мирских совещаниях сельской общины.

Критерием среднего и зажиточного уровня крестьянской семьи можно было считать соответствие в семье количества лошадей количеству душ мужского пола. То есть если в семье было трое мужчин (отец и два сына, например) и в семье этой было три лошади, тогда эту семью можно было достаточно уверенно отнести к средним и даже зажиточным семьям. Прежде всего именно такие семьи обладали и наиболее весомыми голосами на мирских сходах.

Критерии бедности крестьянской семьи определяются, во-первых, по отношению ее рабочих участников к нерабочим. Если в семье много малых детей или дряхлых стариков. Если эта семья неполная и в ней нет мужа (мужика), жены (бабы), то это почти всегда будет бедная и очень бедная семья. Если в семье нет лошади или дойной коровы – это наверняка бедная семья. И наконец, если семья не в состоянии обработать свой земельный надел или вовсе от него отказывается – это также абсолютный признак бедности.

И в связи с этим Васильчиков предлагает начинать первые реальные статистические исследования по крестьянским хозяйствам, не собирая сведения все и подряд – это дорого и нереально, а концентрируясь именно на ключевых критериях организации крестьянского хозяйства:

– отношение рабочих душ к душам малолетним и дряхлым;

– число лошадей и скота;

– пропорции земли владеемой и обрабатываемой.

По мнению Васильчикова, «такое исследование не даст полного понятия о степени благосостояния населения, но оно даст один очень скромный, но важнейший результат: укажет те семейства или группы сельских жителей, которые, прежде всего, требуют помощи, а это… составляет главный и первый предмет хозяйственного управления».[20]

---

[19] Там же. С. 20.

[20] *Васильчиков А. И.* Сельский быт и сельское хозяйство в России. СПб., 1881. С. 76.

Тут, в свою очередь, следует задаться вопросом, а почему Васильчиков так пекся именно о народной бедности – по соображениям только гуманистическим или также и по экономическим? Здесь надо отметить, что в своих политэкономических воззрениях Васильчиков не отделял проблемы экономической эффективности и социальной бедности друг от друга. Он видел перед собой народное хозяйство России в целом и исходил из того, что успешность существования общества определяется не столько по состоянию его самых «первых» лиц, сколько по самочувствию самых «последних».

Васильчиков все время напоминал своим современникам: оглянитесь на Европу, где к середине XIX в. дифференциация богатства и бедности породила армии пролетариев и пауперов, что было как несправедливо, так и опасно для существования общества в целом.

Не являясь ни социалистом, подобно Герцену, ни славянофилом, подобно своему другу Самарину, Васильчиков не идеализировал крестьянскую общину, признавая в своих сельских исследованиях за общиной множество недостатков: подавление отдельной семьи и личности волей сельского общества, косный уровень агрикультуры, часто противящийся рациональным нововведениям, подчиненность общины административному контролю. Тем не менее в существующих российских условиях Васильчиков отмечал в общине главное достоинство: социальную поддержку всех членов общества, в том числе и самых слабейших.

Пореформенный период 1870–1880-х гг. в истории России совпал с первым мировым кризисом сельского хозяйства, когда в мире цены на зерновые культуры понижались по сравнению с предкризисным периодом почти в 2 раза. Одна из причин этого заключалась в складывании мирового рынка зерна, когда все увеличивающееся производство дешевого зерна в Новом Свете, в Америке и Канаде стало возможно мобильно доставлять и реализовывать в Старом Свете при помощи пароходов и паровозов. Но, как отмечал Васильчиков, в условиях России этот кризис болезненно совпал с началом в европейской части России кризиса аграрного перенаселения, приводившего к экологическому кризису сельскохозяйственного оскудения.

А в результате, констатирует Васильчиков: «Доходность земли уменьшается потому, что прежние культуры истощили почву, истребили леса, потому, что земли устали, просят отдыха, так как верхний слой их, беспрерывно переворачиваемый на одну и ту же глубину и засеваемый одними и теми же хлебами, наконец, отказывается производить такие массы продуктов, какие извлекались из него в течение столетий».[21]

Васильчиков подчеркивал, что Россия оказалась не в уникальной ситуации. За век до нее через подобный кризис аграрного перенаселения и пределы экстенсивного земледелия прошла Западная Европа. И в Европе во второй половине XVIII в. сказывалась критическая ситуация с продовольствием и экологией, выражавшаяся в учащении годов неурожайных, скудных и голодных под воздействием роста численности населения, не способного произвести достаточного количества продуктов традиционными аграрными способами. Европа нашла выход в проведении аграрно-экономических реформ и в развитии аграрной науки, вводившей правила рационального, научного земледелия.

Васильчиков отмечал, что теперь и перед Россией стояла задача качественного повышения уровня своего сельского хозяйства, невозможного без реализации ряда социальных и экономических мероприятий. К ним Васильчиков относил в первую очередь развитие начального сельскохозяйственного образования, распространение сельскохозяйственного кредита, активную поддержку переселения сельского населения на целинные земли юго-востока Российской империи. Но все эти меры было невозможно реализовать без эффективной работы местных аппаратов власти, в особенности недавно созданных в России органов местного самоуправления – земств. А земства для организации эффективной работы нужда-

[21] *Васильчиков А. И.* Сельский быт и сельское хозяйство в России. СПб., 1881. С. 102.

лись прежде всего в реальной статистической картине положения дел на своих территориях. Вот почему Васильчиков одним из первых земских деятелей выдвинул программы собирания статистических сведений по так называемым подворным переписям, упрощенным, но достаточно эффективным формам бюджетных исследований. Но все это – и статистику, и образование, и кредит – возможно было эффективно организовать на селе лишь при условии эффективной работы самих земств. Деятельность только центральной бюрократии на местах, по наблюдениям Васильчикова, слишком часто оказывалась некомпетентной и, как следствие, неэффективной. А так как успех местного народнохозяйственного быта прежде всего зависел от степени организации местного самоуправления, Васильчиков и посвятил ему свое особое обширное исследование.

Местное самоуправление

Перелистывая одни лишь многостраничные оглавления к первому и второму томам его книги «О самоуправлении», уже проникаешься почтением к объемной и скрупулезной работе, которую проделал князь. На четырех основных языках своего времени – английском, немецком, французском и русском – он проштудировал все мало-мальски значимые вопросы социальной организации местной жизни в ведущих державах второй половины XIX в. И каких только самоуправленческих вопросов и проблем он ни разбирал в своем сочинении, приведем лишь начала заголовков из этих многочисленных и обширных глав.

Том I. Общее понятие о самоуправлении… О пределах власти местных учреждений общественных и земских… Об отношении народного представительства к местному самоуправлению… Очерки истории провинциальных и коммунальных учреждений во Франции… О предметах ведомства земских учреждений… О различии и соотношении земских и общественных учреждений… Самоуправление в Англии… Прусские общественные и земские учреждения… Общественные учреждения Франции… О податных обывателях и сословиях… О выборном начале и избирательном праве в земских учреждениях… О натуральных повинностях… Городское общественное управление… О полицейском управлении в Англии… О крестьянских учреждениях… Об устройстве крестьянского быта в разных государствах… О народных школах в Пруссии… О вольных школах в Северо-Американских Соединенных Штатах… О начальном образовании в Англии и Франции… О начальном образовании в России…[22]

Том II. Законы о бедных в Англии. Общественное призрение во Франции. Попечительство о бедных в Пруссии… Общественное призрение и народное продовольствие в России… О дорожном управлении в Англии, Франции, Пруссии и России… О народном здравии… О местных сборах… О системе добавочных сантимов во Франции… О земских сборах в Пруссии… О земских сборах и раскладках в России.[23]

По Васильчикову, самоуправление есть участие народа в местном управлении своего отечества. Полное понятие о самоуправлении включает в себя три взаимосвязанных действия:

– сбор налогов и формирование из них местного бюджета;

– расходование местных средств;

– работа местной администрации и суда.

Вся проблема тут заключается в пределах и масштабах этих трех действий, их соотношении и соподчинении с общегосударственным уровнем управления.

Для начала Васильчиков рассмотрел пределы и масштабы взаимоотношения самоуправления и государства, сравнивая соответствующие общественные порядки Франции, Англии и Германии. В этом сравнении Англия с ее *self-government* для Васильчикова служит в основном положительным примером, Франция с ее *centralization* – в основном отрицательным, а Германия с ее *Standische Verfassung* движется особым путем, промежуточным между английским и французским направлениями.

В Англии фактически все местные дела, хозяйственные и административные, управляются местными жителями. Британское государство ревизует и поверяет действия местных властей, но непосредственно повседневно в них не вмешивается, ими не управляет.

---

[22] См.: *Васильчиков А. И.* О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений: 3-е изд. Т. 1. СПб., 1872.

[23] См. там же. Т. 2. СПб., 1872.

Основу самостоятельности британского самоуправления составляет возможность на местах собирать, формировать и расходовать местный бюджет на основе равномерного обложения всех местных жителей по реальной их платежеспособности, а также доходности от их имуществ.

Отмечая и темную сторону жизни Англии, ее «неимущество низших классов», массово проявившееся в результате капиталистической промышленной революции, Васильчиков особо подчеркивает: «Народ английский разделяется на два класса не по рождению, не по месту жительства, не по занятиям и промыслам… в нем нет ни аристократии, ни демократии, ни черни, а только две категории жителей – имущие и неимущие».[24]

Тем не менее Васильчиков продолжает свое рассуждение о нейтрализации этой темной стороны британской жизни следующим образом: «Имущие приняли на себя все прямые налоги и всю общественную службу, обязали себя и своих наследников содержать на свой счет внутреннюю администрацию, армию и флот. Эту обязанность они приняли не в виде пожертвования на алтарь отечества или демонстрации в пользу меньших братий, а по глубокому чувству долга, по сознанию непреложных законов правды и справедливости».[25] В этих комментариях Васильчикова заключается то, что в наше время называют социальной ответственностью государства и бизнеса перед населением вообще и перед народом бедным и малоимущим в особенности.

Французская система, по мнению Васильчикова, покоится на так называемом принципе народного самодержавия *(souverainete du peuple)*. Суть его заключается в том, что кого народ призвал или избрал в ходе выборов или революции, тому он и обязан беспрекословно подчиняться вплоть до очередных выборов или революций, или, как иронично поясняет Васильчиков: «Избрание народных представителей или главы правления есть последнее слово французской свободы; коль скоро оно сказано, народ умолкает, слагает с себя свою самодержавную власть, отрекается от краткосрочного своего державства и, смиренно покоряясь своим или своему избраннику, возвращается к верноподданническому безмолвию впредь до нового взрыва народного самоуправства».[26]

Для Васильчикова очевидно, что при таких порядках нет места реальному самоуправлению, все место тут занимает централизованная администрация с мелочной по сути, а по форме с полицейской опекой.

Зато здесь внушительно отстроена вертикаль власти: «Права и обязанности, власть и собственность сосредоточены на высшей ступени государственного сооружения, в министрах и самодержце, под ними расстилается сеть второстепенных безответных агентов. Департаментами заведуют префекты, уездами – субпрефекты. Сельскими и городскими обществами – мэры. Отдельными селениями – полевые сторожа. Все эти лица никакой самостоятельности не имеют и состоят на службе как стражники правительства…».[27] В результате такой системы во Франции на постройку сельского моста, если его ценность превышает 500 франков, требуется разрешение министра. Избрание полевого сторожа или общественного пастуха утверждается мэром. Любой сельский учитель назначается исключительно из столичного департамента.

Когда вышло в свет третье издание «Самоуправления», Васильчиков там напомнил, что недавно прошедшая Франко-прусская война, завершившаяся катастрофой для Парижа, продемонстрировала всей Европе коррумпированность, неэффективность полицейско-админи-

---

[24] *Васильчиков А. И.* О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений: 3-е изд. Т. 1. СПб., 1872. С. 13.

[25] Там же. С. 14.

[26] *Васильчиков А. И.* О самоуправлении. Т. 1. С. 161.

[27] Там же. С. 17.

стративного централизма, игнорировавшего нужды реального местного самоуправления Франции.

Объединенная Бисмарком Германия, по Васильчикову, с одной стороны, стремится внедрить основы реального местного самоуправления, а с другой – слишком опутана правилами различных сословных союзов на местах, особенно тут сказывается и влияние милитаризованной партии прусских юнкеров, настолько же современно проворных в военном деле, насколько и неуклюже старомодных в делах общественного самоуправления.

Сословностью *(standische Verfassung)* пронизаны и опутаны основы германского самоуправления. К участию в самоуправлении здесь призываются не обыватели, как во Франции, не приходы и графства, как в Англии, но сословия: крестьяне – бауэры, горожане – бюргеры, помещики – юнкеры. Здесь у каждого сословия есть свое представительство и свое управление. В собрании представители сословий не смешиваются, их голоса подсчитываются особо. При такой организации в немецких окружных и областных собраниях неравный подсчет голосов по сословному принципу отдает явное преимущество дворянству. Васильчиков приводит характерную статистику: в 1867 г. из 5968 голосов местного самоуправления в собраниях Германии 4810 голосов принадлежало дворянству, 523 – горожанам, 635 – крестьянам. Эта многосложная самоуправленческая система объединяется сверху бюрократической инстанцией ландратов, назначаемых прусской короной. Таким образом, в организации местного самоуправления заложено коренное противоречие между реальным, пусть и сословно традиционным, самоуправлением снизу и его бюрократическим контролем сверху. Разрешается, по мнению Васильчикова, это противоречие специфическим духом прусской бюрократии, которая, в отличие от французской и тем более русской, выделяется в лучшую сторону своей образованностью и эффективностью. Поэтому, заключает Васильчиков: «Германский общественный организм силен внутренним своим духом, разумом не законодательства, а людей, приводящих закон в действие».[28]

А каковы же особенности российского самоуправления на фоне этих трех стран? Васильчиков полагает, что в самом слове «земство» заключается глубокий смысл, объясняющий основы исторической самоорганизации местного населения. Суть этого слова заключается в том, что «оно относится к представительству не народа, а земли».[29] Это первая коренная черта земской организации.

Обращаясь к языку еще древнерусских летописей, Васильчиков отмечает: «С первых слов нашей исторической жизни на первый план выступает земля; она велика и обильна, говорят послы новгородские в 862 г., и с того времени до новейших слова земля, земство, земские чины и люди употребляются для обозначения понятий, соответствующих иноземным понятиям отечество и народ, как будто в России человек и земля составляют одну неразрывную единицу и как будто гражданин-обыватель, русский подданный неразлучен с правом поземельного владения, немыслим без недвижимого имущества и надела, неполон без участия в пользовании Русской землей».[30]

Люди в России самыми разнообразными способами испокон веков изначально прикреплялись именно к земле. «От нее, от земли, на какой кто сидел, человек получал свое общественное значение: он назывался служилым, если поместье было обложено царской службой, посадским, если водворялся в черте города или посада, и крестьянином, если сидел на черной земле и исправлял подати с черной сохи; он же считался монастырским, дворцовым, помещичьим, если селился на белых землях частного пользования, но сам по себе,

[28] *Васильчиков А. И.* О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений: 3-е изд. Т. 1, 2. СПб., 1872. С. 24.

[29] *Васильчиков А. И.* О самоуправлении. С. 25.

[30] Там же. Т. 1. С. 27.

как лицо, не имел никакого значения, никаких прав и по тому самому и не нес никаких личных повинностей».[31] Отсюда и образовалось это туманное, но всеобщее понятие, что земство есть представительство всей земли, входящей в государственную территорию. Такое представительство не давало людям политических прав, зато налагало на них повинности и подати, прикрепляло к земле, притягивало к тяглу. Тут личные особенности подчинялись земскому уравнению, здесь личность поглощалась поземельной общиной.

В России связь с землей не только право, но и обязанность, тут не только имеешь право на землю, но и подлежишь обязанности землю держать. Это в других странах поземельное владение есть привилегия высших классов, у нас поземельное владение есть повседневная обязательная повинность низших слоев, и таким образом: «Земство выражает именно совокупность интересов местных жителей, которые держат землю и которые доходами от нее обеспечивают отбывание повинностей и уплату податей».[32]

Как следствие, например в России, собственник, сдающий в аренду землю, не признается членом местного земства, а его место в земстве занимает тот, кто использует его угодья: арендаторы, оброчники, земледельцы.

Вторая коренная особенность земской организации – особое подавляющее значение крестьянства, организованного в сельские общины, – ни в Англии, ни в Германии, ни во Франции нет ничего подобного. Пусть современная Васильчикову Франция еще остается великой крестьянской страной, но французская община представляет собой территориально-административную единицу, а русская община есть общественный поземельный союз; значение членства в этих двух общинах весьма различно, несущественно во Франции, подавляюще влиятельно в России.

Итак, *право на землю и сельская община* – вот два оригинальных основания российского земского самоуправления. И, полагает Васильчиков, во всемирном движении XIX в. к уравнению прав классов и сословий земское движение отличается тем, что во главу угла собственного развития ставит не личную *свободу,* политическое *равенство,* социальное *братство,* а *право на землю* и соответствующую обязанность держать землю, чтобы пользоваться политическими правами.

В заключение Васильчиков переходит к рассмотрению принципов местного самоуправления, универсальных как для Запада, так и для России. Исходный постулат Васильчикова: за любое благо, за любую пользу должен платить только тот, кто имеет возможность поучаствовать в соответствующих выгодах от этого оплаченного им мероприятия. В условиях сельского местного самоуправления так называемая возможность участия в мероприятии зависит прежде всего от соответствующей близости и дальности расстояний.

Даже в Западной Европе, отмечает Васильчиков, сельское население, рассевшись по отдельным мелким фермерским участкам, при этом лишившись своей традиционной общины, также лишилось многих возможностей культурного развития. В результате школы, кредитные и врачебные учреждения в основном сосредоточились в городах, от них что-то в смысле культуры перепадало лишь пригородным селениям. Васильчиков при этом подчеркивает: «Но для большинства сельского населения ни школа, ни больница, ни кредит не были доступны, во-первых, по дальности расстояния, а во-вторых, потому что люди меж собой незнакомые и друг другу чуждые не имеют возможности соглашаться и складываться на предметы, служащие для общей пользы».[33]

---

[31] Там же. С. 28.

[32] *Васильчиков А. И.* О самоуправлении. С. 30.

[33] *Васильчиков А. И. О* самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений: 3-е изд. Т. 2. СПб., 1872.

В России эта драма расстояний и расселений имеет свою особую территориально-культурную специфику, которую Васильчиков называет проблемой большей или меньшей плотности сельских поселений. Эту проблему Васильчиков иллюстрирует статистически в региональном разрезе. Так, по его исчислениям, по 31 великоросской губернии в среднем на одно селение приходилось 85 душ, живших в 28 дворах, но это весьма и очень средний показатель. В реальности же Васильчиков приводит следующие конкретные примеры, сопровождая их соответствующими аналитическими комментариями: «Если мы сравним не уезды, а губернии меж собой, то, например, слабейшие общества мы находим в западных уездах Псковской губернии (в Торопецком уезде на одно селение приходится 13 душ, в Холмском и Опочецком – 17), наоборот самые крупные – в крайних восточных уездах Воронежской и Астраханской губерниях (В Павловском уезде на одно селение 733 души, в Царевском – 933)… Спрашивается, могут ли быть применены одни и те же порядки и учреждения к столь разным общественным отношениям; можно ли требовать от селения с 3–4 домохозяйствами такой же инициативы, как от слободы в 282 двора; можно ли возлагать обязательные повинности, устройство школ, врачебное управление, воинскую повинность одинаково на селения мелкие и крупные и на губернии, где жители разбиты на 13290 поселений (Псковская губерния) или на 10952 (Смоленская), и на те, где они сомкнуты в 177 крупных сел (Астраханская)?».[34]

Таким образом, по Васильчикову, в России, в отличие от стран Западной Европы, даже не столько густота населения, близость расстояний, удобства сообщений, но прежде всего рассеянность и плотность мест сельского жительства оказывается решающей в вопросах самоуправления общественного благосостояния. А что касается густоты населения, близости расстояний и удобства сообщений, то тут и в России и в Европе видны одни и те же приметы централизации, в которой централизация управления определяет и централизацию повседневного быта. Вокруг столиц и крупных городов в сельской местности еще возможно обнаружить добротные учебные, медицинские, кредитные, благотворительные заведениями, а заберешься куда подальше (Васильчиков еще не знал нашего понятия «глубинка»), так там, что во Франции, что в России, не найдешь ни признаков прогресса современной цивилизации, ни соответственно самих сведений о состоянии местного самоуправления.

Васильчиков подчеркивает, что раскол между высшими и низшими сословиями становится теперь не только имущественным, но прежде всего территориальным. Там в столичных центрах все толкуют о величии отечества, объединении народностей, славе оружия, политическом равновесии, высшем образовании, торговом балансе, оставляя на потом, за неимением времени и сведений, вопросы земельного обустройства, провинциальной бедности, сельского образования, местного кредитования, организации сельских и рабочих союзов. Все это вопросы, оставленные на потом в России, на Западе получили название вопросов социальных. В тех странах, где власть и общество ими заниматься не торопятся, всегда стремительно возрастают радикально-экстремистские организации социалистов, наживающих на постановке этих вопросов свои авторитет и влияние. Главная беда в том, что и социалисты, так озабоченные вопросами социального неравенства, в основном руководствуются все той же, а порой и более жесткой централистской идеологией. И если социалисты через хаос смуты и революции все же придут к власти, то Васильчиков никак не ожидает от них развития свободного регионального самоуправления на местах, устанавливающего взаимовыгодный обмен ресурсами между городскими центрами и сельскими провинциями.

Более всего Васильчикова раздражала усиливающаяся мода потолковать в Европе и России о децентрализации управления на местах, за завесой которой все совершенствова-

[34] *Васильчиков А. И. О* самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений: 3-е изд. Т. 2. СПб., 1872. С. 528–530.

лись управленческие методы административно-полицейского контроля. Сам Васильчиков описывал эту ситуацию следующим образом (это описание не касалось Англии и Америки, где в то время укреплялось, по мнению Васильчикова, реальное, а не фиктивное самоуправление): «Всюду (в Европе и России. – *А. Н.)* …уразумели простую истину, что надо внутреннему управлению наружный вид и все формы и обряды наружной самодеятельности с некоторым оттенком либерализма, лишь бы удержать за собой дело по существу, т. е. расходование сумм, раскладку налогов, сменяемость должностных лиц, право распускать собрания, если они оказываются противными "государственной пользе". Все остальное могло быть без особой опасности предоставлено народным массам, а именно право говорения, право ходатайства, власть голосования, даже свобода печати, если только над всеми этими правами, властями и свободами оставались верховными судьями администрация и полиция. Но дело самоуправления никак не подвигалось… Везде министры продолжали истолковывать законы «по указаниям опыта», везде должностные лица преследовались «административным порядком», везде нарушались законные права ввиду «государственной пользы». Это двойственное направление политики – либеральное, земское (самоуправленческое. – *А. Н.)* по внешней обстановке, приказное, полицейское по внутреннему разуму и составляет… главную характеристику современной политики».[35]

С момента выхода в свет книг Васильчикова прошло почти полтора века. За это время развитие местного самоуправления и на Западе и в России представляло собой драматическую историю. Сейчас на Западе (и прежде всего в объединенной Европе) сущностные характеристики самоуправления, обосновываемые князем Васильчиковым, стали повседневными принципами общественной жизни: суверенитет муниципальной власти, сбор основных налогов и формирование на их основе бюджета на местах, эффективный муниципальный контроль основных отраслей социальной сферы и, как следствие всего этого, выравнивание в уровне и благоустройстве жизни городов и сельских поселений.

В России в период земства происходил медленный и мучительный, в конфликтах с царской бюрократией процесс становления реального самоуправления, но он был далек от завершения, когда произошла революция 1917 года. Послереволюционные органы самоуправления – Советы – стремительно подпали под контроль коммунистически централизованной административной машины. В конце концов советский коммунизм пал, но административный централизм устоял, вот почему в современной России оказываются попрежнему актуальными основные идеи сочинения Александра Илларионовича Васильчикова и не только о местной, но и о государственной власти.

[35] *Васильчиков А. И. О* самоуправлении. Т.2. С. 513.

Правящая власть

Васильчикову принадлежат смелые и любопытные антрополого-экономические исследования высшей российской власти, осуществленные своеобразным методом включенного наблюдения по праву родства автора с жизнью аристократической бюрократии, представленные прежде всего в виде трех достаточно обширных текстов. Два из них были опубликованы как брошюры-памфлеты: «Русский администратор новейшей школы. Записка псковского губернатора Б. Обухова и ответ на нее» (Берлин, 1868), «Письмо министру народного просвещения графу Толстому от князя А. Васильчикова» (Берлин, 1875). Третий документ «Тайная полиция в России» (1874) представляет собой неоконченную рукопись, которую оканчивать, пожалуй, не имело смысла из-за фактической невозможности публикации данного текста по цензурным соображениям.

Первый документ – ответ на записку псковского губернатора Обухова – заключал в себе не только системную критику губернаторского текста, но также реконструировал типичную физиономию вообще консервативного русского губернатора, способ его мышления и действий.

В своей записке недавно назначенный в Псков губернаторствовать Обухов сообщал, что он прилежно в течение 9 месяцев объезжал земли вверенной ему губернии и, основательно изучив дело, пришел к следующим выводам: псковские сельские земли со времени отмены крепостного права пришли в полный упадок. И если до реформы губерния была способна прокормить себя собственным хлебом, то теперь вынуждена ввозить его. Введенное великими реформами земское самоуправление сплошь и рядом оказывается неэффективным. Земствам, с одной стороны, государство не должно оказывать помощи, чтобы без господдержки очевидней была слабость земств, с другой – необходимо расширить права государственной губернаторской власти, которая будет выглядеть от этого эффективней и рачительней по сравнению с «беспомощными» земствами. Хозяйства польских и немецких поселений на Псковщине экономически эффективней по сравнению с крестьянскими хозяйствами великоросских деревень, представляющих из себя, по мнению губернатора, нищую, темную и хаотическую стихию. А потому в целом население губернии нуждается в формообразующем воздействии государственной власти, прежде всего с учетом немецко-польских хозяйственных рецептов. В заключение проводилась мысль, что губернаторские соображения во многом имеют универсально общероссийский характер и потому рекомендуются к рассмотрению и применению по России в целом.

Васильчиков ответил с резкой ясностью по всем основополагающим пунктам Обуховской записки. Для начала он поиронизировал над девятимесячным плодом губернаторских исследований, веско отметив, что всего лишь 9 месяцев для основательного изучения положения дел в целой губернии явно недостаточно. Вот он сам князь Васильчиков, являясь помещиком тех же северо-западных земель, подолгу живя и работая в губернии с крепостных времен, не взялся бы делать столь много безапелляционных выводов, порой явно фальсифицирующих положение дел. Например, по личному опыту и наблюдениям Васильчикова, Псковская губерния и в крепостные времена была весьма бедна, хлеб ввозила, а не экспортировала. Губернатор в пользу версии о продовольственном изобилии до 1861 г. ссылается на данные еще крепостной статистики, но этой статистике доверять нельзя, приводя соответствующие цифры и факты, уличающие крепостную статистику в безграмотности и фальсификации, утверждает Васильчиков. Так что не 1861 год виноват в оскудении губернии. Имеется достаточно много долговременных причин для псковской бедности, например, одна из очевидных – экономико-экологическая гипертрофированно-хищническая доля льна в структуре посевных площадей губернии, как известно, лен, изрядно истощает

почву. А главная политико-экономическая пореформенная причина заключается в тягостности выкупных платежей крестьян.

Земствам действительно присущи недостатки, но большинство из недостатков связаны с болезнями возникновения и роста самоуправления среди населения, у которого самодержавное государство в прошедшие века отняло какой-либо опыт самоорганизации вне пределов крестьянских общин. Потому удивительно злорадство губернатора по поводу бед земств и предложения вообще земствам не помогать, тем самым способствуя окончательно их дискредитации и ослаблению.

Зато не удивителен, а естествен призыв губернатора усилить его собственную власть, которая после этого обещает продемонстрировать эффективный менеджмент. «Да, нет, – возражает на это Васильчиков, – власти у вас и так предостаточно. А вместо того чтобы вести подкопы под земства, занялись бы Вы, губернатор, как следует своей прямой обязанностью – управлением починкой и строительством дорог в псковских землях, находящихся в таком отвратительном состоянии, что они капитально препятствуют как мобильности рыночной торговли псковскими сельхозпродуктами, так и оказанию своевременной гуманитарной помощи местному населению, в годы неурожая пухнущему от голода из-за того, что обозы с государственным продовольствием застревают и разворовываются по бесконечному бездорожью».

По мнению Васильчикова, Обухов – «наш современный псковский Макиавелли»[36] – являет собой типический продукт администратора новой формации, имеющего при себе свою собственную теорию действий: «Теория эта не представляет ничего насильственного, не производит взрыва, не нарушает ход дел; она только подкапывается под основы нового порядка управления и колеблет их, не разрушая самого здания, в ожидании, что оно разрушится само собой».[37]

В заключение Васильчиков отметил, что Обухов к настоящему моменту только что сменил должность – из губернаторов назначен в товарищи (заместители) министра внутренних дел. Это было в некотором смысле повышение по службе, в котором Васильчиков усматривал благосклонное отношение со стороны правительства к обуховским идеям.

Несколькими годами позже, в 1876 г., Васильчиков подверг язвительной критике другой консервативный проект другого влиятельного бюрократа-царедворца – министра народного просвещения графа Толстого – за его идею насаждения по всей России классического образования. По наблюдениям Васильчикова, проект Толстого имел два уровня смыслов: один явный – формальный, другой тайный – реальный.

Формальная цель проекта заключалась в заботе о развитии углубленного изучения в гимназиях классического греческо-римского наследия на уровне античных первоисточников. Таким образом заявлялось, что познания в греческом и латыни, а также в древней истории будут лучше способствовать воспитанию чувств и умов юных российских поколений. Естественно, что усиленное насаждение учебных дисциплин классицизма означало и значительное сокращение в преподавании так называемых реальных наук – математических и естественнонаучных дисциплин. Кроме того, вводились специальные цензы для поступления в гимназии, которые затрудняли получение образования для детей из бедных и малообеспеченных семей.

В реальности же, и граф Толстой особо этого не скрывал, целью его реформы являлось предупреждение развития свободомыслия и нигилизма, которые, по мнению министра просвещения, распространяются вместе с изучением естественных наук, а кроме того, реформа

[36] *Васильчиков А. И.* Русский администратор новейшей школы. Берлин, 1868. С. 75.

[37] *Васильчиков А. И.* Русский администратор новейшей школы. Берлин, 1868. С. 75.

должна была способствовать сохранению и развитию образования среди элит России, препятствуя распространению образования в широких слоях населения.

Критика Васильчиковым Толстого была резкой и остроумной. «Послушайте, граф, – иронизировал Васильчиков, – ну к чему Вы в такой спешке взялись насаждать латынь в школах, ведь у вас в министерстве громадная нехватка учителей по классическим дисциплинам? Вы бы сначала учителей-латинистов подготовили, а потом уж и внедряли классическое образование. Кроме того, Вы представляете, какова разорительна теперь будет для большинства русских семей подготовка по классическим дисциплинам перед вступлением в гимназию? Особенно больно Ваша реформа ударит по обширному слою мелкого и среднего провинциального дворянства, которое ради будущего своих детей будет вынуждено в массовом порядке оставлять свою хозяйственную, служебную и общественную деятельность в сельской провинции, чтобы, перебираясь на службу в крупные города, иметь возможность обучать там своих детей по классической системе? Мы с Вами, граф, весьма состоятельные люди, и потому можем дать нашим детям прекрасное образование при любой системе, но подумайте о громадном числе нежных отцов семейств, для которых Ваша образовательная реформа может стать непосильным бременем на путях получения их детьми образования, – увещевал графа Толстого князь Васильчиков. – И потом, граф, неужели Вы всерьез полагаете, что изучение опыта античности будет способствовать дисциплине и законопослушанию подрастающих поколений? Тогда сами припомните, какими кровавыми смутами и переворотами переполнена история древних Греции и Рима? Высшие культурные достижения античной культуры, как правило, совпадают и с высшими эксцессами общественного разврата. А чем закончилась история античности? Государственный аппарат Рима оказался таким ослабленным и коррумпированным, что был неспособен противостоять вторжению в страну грабительских шаек варваров. А потом якобинцы Французской революции, получившие как раз классическое воспитание, все рядясь в тоги римских трибунов, распространяли в народе безостановочно свои кровавые вердикты. Вот видите, граф, классическое воспитание отнюдь не предотвращает радикализм, но может даже способствовать его развитию».

Здесь надо отметить, что задолго до знаменитого различения в XX в. индивидов на физиков и лириков у Васильчикова имелось схожее собственное мнение о типологии гуманитарных и естественнонаучных способностей, которое он описал следующим образом: «Мне кажется, что люди всегда рождаются с некоторыми предопределенными способностями, которые могут быть подведены под два главных разряда: один из них я назову *беллетрическим,* другой – *математическим*…

Преимущества и недостатки людей обоих направлений равносильны: одни мягче, впечатлительней, более способны восторгаться добром и красотой, но зато и слабее, беспечнее характером, падки на всякие увлечения в домашнем или хозяйственном быту, не расчетливы и часто беспорядочны; другие – тверже нравом, сдержаннее и последовательней в речах и действиях, бережливы, расчетливы в своем хозяйстве, но зато и более-менее жестки и сухи по природе и склонны к отрицанию того, что не подходит под формулы математических выводов и доказательств.

Разумеется, есть и такие широкие натуры, которые соединяют все эти способности, но это – очень редкие исключения…».[38]

Васильчиков полагал, что оба направления способностей равноправны и должны иметь одинаковые возможности для развития в соответствующих учебных и образовательных программах, которые должны свободно избирать учащиеся и их родители. В связи с этим Васильчиков упрекал Толстого, что он вводит педантично тягостные учебные про-

[38] *Васильчиков А. И.* Письмо министру народного просвещения графу Толстому от князя Васильчикова. Берлин, 187S. С. 34–35.

граммы для насаждения наклонностей гуманитарного классицизма, тем самым препятствуя развитию способностей естественнонаучных. Но дети, как «физики» так и «лирики», должны иметь равные права в доступе к развитию своих способностей – настаивал князь Васильчиков.

Не стоит думать, что Васильчиков был вообще против изучения классической филологии, наоборот, он всячески подчеркивал свое уважение к знанию древних языков и искренне сетовал, что во времена его молодости трудно было найти хороших специалистов-античников даже в Петербургском университете. Васильчиков лишь возражал против реализации консервативной политики от имени классической филологии.

Своеобразным итогом аналитического исследования Васильчиковым эволюции российской власти следует считать его неоконченную записку «О тайной полиции в России», опубликованную недавно И. А. Христофоровым.[39] Записка полна любопытных наблюдений и тревожных гипотез, к сожалению, печально подтвердившихся в последующей российской истории.

Свою записку Васильчиков предваряет историко-социологическим наблюдением за своеобразными циклами консерватизма и либерализма в политике России.[40] Вот ранний Екатерининский период был либеральным, а поздний – со времени Французской революции – консервативный. Павловское царствование было в целом продолжением консерватизма. Ранний Александровский период был либеральным, поздний – консервативным. Николай I в начале своего царствования стремился к каким-то реформам, но достаточно скоро обратился к реакционной политике. Александр II ознаменовал начало своего царствования великими реформами, но с конца 1860-х гг. стало вновь набирать силу консервативное направление в России. В чем же особенность современного роста консервативно-реакционного направления? – задается вопросом Васильчиков.

По его мнению, принципиально новая особенность – это заигрывание высших элит России, партии богатейших аристократов с идеей сотрудничества с тайной полицией. Это абсолютно новое явление, как полагает Васильчиков, притом не только российское, но и европейское; здесь Васильчиков ссылается прежде всего на политический опыт Франции, где в правление Наполеона III поощрялся властный симбиоз элит и спецслужб. Васильчиков обращает внимание на то, что шпион становится модной, а главное влиятельной персоной. Не так было раньше. Даже в предшествующие времена царствования Николая, когда тайная полиция была так всемогуща, существовала четкая граница между аристократами, поставленными к управлению тайной полицией, и самими тайными агентами. Аристократ с брезгливость и печалью исполнял обязанности управления этими нравственно ущербными существами, всячески оберегая высший свет и свою семью от отвратительного бытия шпионажа. Да и сами агенты полиции знали свое место, не претендуя на власть и достойное место в обществе. А сейчас времена меняются – миры политической аристократии и миры тайной полиции стремительно движутся навстречу друг другу, итогом их слияния становится лишь рост консервативной идеологии, на практике обнаруживающий себя в росте коррупции и цинизме власти. Здесь, как нам представляется, Васильчикову действительно удалось предсказать славную и позорную историю восхождения к государственной власти тайной полиции, ее превращение в культурно-аристократическую олигархию нашего времени, к тому

---

[39] См.: *Христофоров И. А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам: Конец 1850 – середина 1870-х годов. М.: Русское слово, 2002. С. 320–381.

[40] Цикличность либеральных и консервативных периодов в политической истории России, подмеченная А. И. Васильчиковым, нашла последующее развитие во многих работах российских и зарубежных ученых. Здесь упомянем на наш взгляд одну из наиболее интересных концепций в этой области: *Зырянов П. Н.* Государство и общество в России в XIX–XX вв.: динамика и циклы взаимоотношений // Пути России: преемственность и прерывистость общественного развития. Т. 14. М.: МВШСЭН, 2007. С. 314–320.

же масскультурно опоэтизированную на протяжении последних десятилетий в литературе и кино. И по сию пору остается актуальным предостережение князя Васильчикова: «Опасно, когда время быстрого обогащения и необузданной спекуляции совпадает с владычеством тайной полиции…».[41]

У Васильчикова было чутье не только на дух времени, но и на его отдельных людей. Мы уже упомянули, как его оппонент губернатор Обухов был назначен заместителем министра внутренних дел, остается отметить, что другой оппонент – министр просвещения граф Толстой – при царе Александре III стал министром внутренних дел и на ниве тайной полиции проявил себя еще более ярким консерватором, чем на ниве классического просвещения.

Смерть Александра Илларионовича Васильчикова в октябре 1881 г. обнаружила сильное волнение в российском обществе. Большинство газет и журналов Москвы и Санкт-Петербурга независимо от их идейных направлений опубликовали прочувствованные некрологи на смерть князя. Васильчиков умер в своем имении Трубетчина Лебедянского уезда Тамбовской губернии. Гроб с его телом доставили на железнодорожный вокзал Липецка, куда с ним приехало прощаться тамбовское губернское и земское начальство. Из Липецка поезд повез гроб в Новгород, где с покойником уже вышло проститься новгородское дворянство, земство и губернатор. Из Новгорода тело повезли далее за 40 верст до железнодорожной станции Шимск, оттуда его собирались доставить на траурной колеснице в церковь Струпинского погоста, где были похоронены жена и брат Васильчикова. Бывшие васильчиковские крепостные крестьяне близлежащей деревни Бор, в которой часто останавливался и жил Александр Илларионович, большой толпой собрались на станции и просились на себе нести гроб все трехверстное расстояние до кладбища. Человеколюбивое начальство воспротивилось этой просьбе, но как только колесница с гробом приблизилась к деревне Бор, крестьяне ослушались начальства, распрягли лошадей из колесницы, отслужили панихиду и на себе пронесли гроб до могилы. В те времена еще только возникали специализации экономиста, статистика, социолога, поэтому в центре его могилы поместили венок «Князю А. И. Васильчикову как писателю». А еще он был, конечно, секундантом, секундантом сельской России.

[41] *Христофоров И. А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам: Конец 1850 – середина 1870-х годов. М.: Русское слово, 2002. С. 338.

Ф. А. Щербина: столетние парадоксы семейных бюджетных исследований[42]

В статье осуществлен историко-социологический анализ особенностей изучения бюджетов сельских домохозяйств на основе материалов руководителя российской земской бюджетной статистики конца XIX в. Ф. А. Щербины и бюджетных материалов постсоветских сельских социологических исследований конца 1990-х гг. В результате сформулирован ряд парадоксов в столетней трансформации типичных бюджетных ошибок и искажений, возникавших среди земских статистиков и постсоветских социологов в процессе общения с различными стратами сельского населения. Главный аналитический вывод данного исследования: за прошедшие сто лет изменились базовые структуры искажений сведений в бюджетной статистике российских домохозяйств. Сто лет назад в царской России искажения в ответах о семье преобладали над искажениями в ответах о ее хозяйстве. В постсоветской России искажения в ответах о хозяйстве преобладают над искажениями в ответах о семье. Неизменным в бюджетных ответах сельских респондентов и царской, и постсоветской России остается психологическое напряжение, связанное с вопросами формального и неформального взаимодействия экономики домохозяйств с государственной властью.

Характер профессии сельского социолога, проводящего длительное время в полевых исследованиях, заключается в тщательном описании событий местной жизни. Основы этой жизни – семья и ведение ее домашнего хозяйства.

Главный способ изучения – исследование семейного бюджета: оборота расходов и доходов семьи в течение года. Одна из главных проблем бюджетного метода – точность и достоверность сведений. Искажения и путаница, которые вольно или невольно могут привнести семьи в свои ответы, разрушат и обесценят самый тщательный бюджетно-исследовательский замысел.

Сопоставление бюджетных исследовательских методик современных и достаточно старых иногда парадоксальным образом может выявить глубинные изменения, происходящие в местных сообществах и семьях, и наоборот, подтвердить некоторые сохраняющиеся неизменными социально-экономические характеристики.

Поэтому безусловно полезными для современного сельского исследователя остаются научные работы земских статистиков, оставивших нам несколько книг-пособий о том, как проводить бюджетные исследования.[43] Но легендарной даже среди этих произведений является объемная книга с длинным, старинным, скучным названием «Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии. Воронеж. 1897».[44] Ее автор – основоположник земской статистики Федор Андреевич Щербина.[45] Одну половину книги занимают статистические выкладки бюджетных исследований, другую – подробные рекомендации, как вести себя при работе с крестьянами, чтобы собрать среди них достоверные сведения.

Чем внимательней современный исследователь будет изучать фолиант Щербины, тем более будет изумляться. Если бы нынешний социолог действовал по рекомендациям уче-

---

[42] См.: Столетние обороты путаных сведений // Знание – сила. 2000. № 8. С. 91–96

[43] См.: *Чаянов А. В.* О бюджетных исследованиях. М., 2006.

[44] *Щербина Ф. А.* Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии. Воронеж, 1897.

[45] Уроженец кубанской станицы Новодеревянковская Ф. А. Щербина (1849–1936) осуществил значительное число замечательных историко-социологических исследований сельской жизни и быта великорусского и украинского крестьянства, степного населения южной Сибири, южнорусского казачества. Член-корреспондент Петербургской академии наук (1904) Щербина в молодости придерживался леворадикальных народнических взглядов. Со временем мировоззрение Щербины эволюционировало в сторону консерватизма и украинского национализма. Непримиримый противник большевизма Щербина умер в эмиграции в Праге.

ного в современной деревне, то… он провалил бы все исследование. Наверняка и земский статистик потерпел бы полный провал, если бы работал по современным сельским методикам. В обоих случаях сельский житель, несомненно, не пожелал бы общаться с учеными из-за настороженности и непонимания.[46] Например, как надо начинать сбор информации: отдельно посещать каждое домохозяйство или собирать сведения вместе со всеми крестьянами?

Щербина рекомендует начать дело на сельском сходе. Там перед лицом всего общинного мира каждая семья поочередно будет отвечать на вопросы бюджетного бланка. Привожу фрагменты описаний этого процесса из книги Щербины:

«С присутствовавшими на переписи по обязанности тут же толпились женщины, молодежь, подростки и дети – все это прислушивалось, вытягивало шеи, настораживало уши. Слышались нередко горячие споры и запальчивые препирательства… здесь же производились взаимные расспросы, давались советы. Стоит крестьянин и прислушивается, что скажет сосед или односелец, где они ответят по правде и где покривят душой. Да и без этого интересно, сколько у соседа или у кума, свата, приятеля в данный момент скота, сколько хлеба он продал или купил, сколько он задолжал, сколько принес сам заработка и сколько внесли в хозяйство другие члены семьи. Нередко это выслушивание чередовалось с вопросами о том, а что сталось с серою коровой или неужели отвечающий не сошелся на счет аренды земельного надела…»[47]

Щербина определенно полагает, что, собрав всех крестьян до кучи, исследователь получит более достоверную информацию, чем если он будет ходить за сведениями от двора ко двору, где каждая отдельная семья чего-нибудь в ответах да напутает.

Автор статьи, опираясь на свой опыт и опыт коллег-исследователей,[48] полагает, что, в отличие от Щербины, нужно ходить от двора ко двору. Приведем записи из исследовательских дневников:

«Вчера был на колхозном собрании. По-прежнему у нас принято говорить не так, как думаешь, – думать не так, как говорить. Запомнилось агрессивное выступление одного шофера. Он выкрикивал цифру своей мизерной зарплаты и вопрошал, как можно существовать на эти ничтожные деньги. Собрание в ответ тяжело вздыхало и сокрушенно качало головами. Я тут же шепотом спросил у сидевшего рядом зоотехника: "Почему шоферу никто не возразит: ты ведь живешь не на одну зарплату; а бензин, который ты сливаешь из бака колхозной машины к себе в канистру? А колхозные корма и молоко, которые ты для себя привозишь на этой же машине?.." Зоотехник, тихо рассмеявшись, с наигранным испугом отвечал: «Ты что?! Разве можно об этом спрашивать?! Если я его об этом спрошу, он мне в ответ закричит: «Сам корма тыришь!». Все у нас воруют, все! Но об этом на собрании нельзя говорить»».

Дальнейшее систематическое сравнение опыта общения ученых с крестьянами сто лет назад и сегодня по поводу семейных бюджетов обнаруживает любопытные закономерности и эволюцию в путанице сведений о семейной экономике сельских жителей.

---

[46] Проблемам взаимопонимания и доверия в общении сельских исследователей и их респондентов посвящен целый ряд современных книг, напр.: *Виноградский В. Г.* «Орудия слабых»: технология и социальная логика повседневного крестьянского существования. Саратов, 2009; Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах/сост. Е. М. Ковалев. М., 1996; *Троцук И. В.* Теория и практика нарративного анализа в социологии. М., 2006; *Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев А., Левинсон А.* Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб., 2009.

[47] *Щербина Ф. А.* Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии. Воронеж, 1897. С. 148.

[48] Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России /под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М., 2002.

Путаница в сведениях о семье

Сто лет назад крестьяне путали и забывали, на нынешний взгляд, самые элементарные сведения о возрасте членов семьи, их числе, о том, кто умер, кто – инвалид. Щербина указывал: «Крестьяне зачастую не знают точно, сколько лет не только тому или другому члену семьи, но и им самим… Крестьяне порой забывают указать точное количество членов своей семьи, как правило, они забывают указывать стариков и детей… Калеками крестьяне считают большей частью одних, так называемых убогих, т. е. лиц, лишенных или ума, или физической способности к труду… Но горбатые, хромые, глухие, даже глухонемые, подслеповатые и прочие причисляются ими к работникам.

Наконец, они с большей точностью припоминали по годам разные другие факты из жизни семьи и события общественного характера, чем случаи смертности…».[49]

Все можно списать на массовую неграмотность русских крестьян конца XIX в., но в других вещах, достаточно сложных, требующих умений не только считать, но и обобщать, анализировать, крестьяне ориентировались уверенно и точно. Они хорошо помнили сведения о домашнем хозяйстве и забывали многое, что к домашнему хозяйству не относилось. Формальные даты рождения членов семьи к семейному хозяйству отношения не имели, тем более отмечали в семьях не дни рождения, а именины (крестьянский календарь был последовательно ориентирован на иерархию православных праздников). А Российское государство в то время еще не оснащало народ всяческими паспортными метриками ради перманентной полицейской профилактики. Из-за этого собственные дни рождений и число прожитых лет расплывались в памяти крестьян смутным пятном воспоминаний.

В крестьянском хозяйстве определяющим была не степень родства, а степень участия в труде и потреблении. Того, кто сполна со всеми работал и «хлебал щи из одной миски» со всеми, не забывали. А вот тех, кто еще (дети) или уже (старики) не был в состоянии работать, «нечаянно» могли и пропустить в перечне членов семьи. Земские статистики иногда раздражались: как же это глава многодетного семейства способен вообще не упомянуть о малом ребенке, зато точно знает, сколько у него всех телят и поросят.

А если двенадцатилетний ребенок по своей сметке и силам уже мог работать как взрослый или семидесятилетний старик продолжал пахать наравне со всеми, о таких членах семьи всегда помнили. Работающий калека, по разумению крестьянина, вообще не инвалид. А вот инвалид, который не может работать, – божественное наказание за грехи, наказание прежде всего религиозно-нравственное, обременявшее не только калечного, но и его родственников. Об этом старались забыть: «Хозяева, в семьях которых имели место эти несчастные случаи, всегда с неохотою, с каким-то угрюмым, подавленным видом давали сведения о роде калечности и причинах ее».[50]

Подчеркивая деликатность, необходимую в подобных случаях, Щербина рекомендовал земским регистраторам опрашивать осторожно: «От калек Бог миловал?» или «Кто не работник? Все в семье годны к работе?». И совсем уже странна массовая забывчивость случаев смерти (особенно детской. – АН.,)».[51]

«Чем объясняется это явление – трудно сказать. Быть может тут… чисто экономическая подкладка явлений. Потеря работника – крупный факт в жизни семьи, прежде всего в экономическом смысле, и этот факт, конечно, лучше сохранялся в памяти, чем случай смерти ребенка, похороны которого обошлись всего за один рубль. Между тем пожар, поглотивший

[49] *Щербина Ф. А.* Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии. Воронеж, 1897. С. 51.

[50] *Щербина Ф. А.* Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии. Воронеж, 1897. С. 54.

[51] Там же. С. 52.

на 300 или 500 рублей построек, падение от чумы нескольких голов скота сразу, неурожай, разоривший хозяйство, и т. п. – все это были такие обстоятельства, которые нелегко забываются в крестьянской среде. Вот почему этими обстоятельствами определялись и случаи смертности. Крестьяне обыкновенно говорили: "У Петра мальчик умер до пожара, значит, раньше десяти лет тому назад" или "Трое детей умерло у таких-то в тот самый год, когда гречи были градом побиты, а этому назад 8 лет" и т. п.».[52]

Для уточнения сведений о смерти Щербина рекомендовал обращаться к женщинам, потому что «мужчины вообще плоше и небрежней, чем женщины, относились к учету смертности в семье…».[53]

Прошло сто лет. Теперь такого рода вещи не забывают. Современные сельские собеседники любят рассказывать о своих детях и внуках, об усилиях, затраченных на воспитание малых и на помощь взрослым детям. Более того, порой они пускаются в сексуально-нравственные откровения. Приведем пример.

Социолог: Вы указываете в бюджете регулярное и значительное получение кормов для вашего хозяйства. А за что – в обмен или за какие-то услуги вы получаете корма?

Респондентка (смеется в ответ): За какие услуги, за какие услуги… Из какого монастыря тебя взяли… за какие услуги…

Не берусь судить, были ли во времена Щербины семейные отношения более нравственными, а супруги – более верными, но обсуждать подробности семейной жизни так, как это делается сегодня, было совершенно невозможно. Лишь один тип вопросов о семье до сих пор вызывает тревогу, замешательство, скрытность: о репрессированных и осужденных членах семьи. Между тем число побывавших и находящихся в заключении на тысячу жителей в стране за XX в. значительно возросло, и для семей начала XXI в. криминальная истина «от тюрьмы не зарекайся» остается такой же тревожной, как неурожайная истина «не зарекайся от сумы» конца XIX в.

[52] Там же. С. 53.

[53] Там же. С. 54.

Путаница в сведениях о хозяйстве

Средняя сельская семья центрально-европейской России конца XIX в. состояла из семи человек. Основной экономический способ существования семьи – это, во-первых, земледелие; во-вторых, животноводство; в-третьих, отхотничество, промыслы. Средний размер земельного надела на семью составлял около 12 десятин (20 га); среднее число крупного рогатого скота – 5–8 голов, 2–4 лошади. Производственная деятельность семьи заключалась в напряженных усилиях воспроизвести самое себя («свести концы с концами»), т. е. в основном прокормить семью и уплатить налоги.

Деревенские семьи объединены в местное сообщество в виде общины.

Средняя сельская семья центрально-европейской России начала XXI в. состоит из четырех человек. Основной экономический способ существования семьи – это, во-первых, работа в аграрно-индустриальном предприятии (бывшем колхозе, совхозе, трансформировавшемся в акционерное общество); во-вторых, ведение личного подсобного хозяйства; в-третьих, вторичная занятость в виде шабашек на стороне или ремесленничества внутри домохозяйства. Семьи, как правило, вовлечены в плотную сеть корпоративных отношений местного аграрно-индустриального предприятия.[54]

Домохозяйство конца XIX в. натурально автономно. Средства производства и предметы потребления оборачиваются внутри хозяйства, и только часть семейного баланса доходов и расходов втянута во внешний мир товарно-денежных отношений.

Домохозяйство конца XX в. гораздо больше зависимо от «внешнего мира» – от зарплаты и прочих ресурсов колхоза /АО, от местных чиновников, от вовлеченности в рыночные отношения. Личное подсобное хозяйство играет важную стабилизирующую натурально-автономную роль, но действительно подсобную. Масштаб семейного личного подсобного хозяйства (характера и границ его натуральной автономии), как и вторичная занятость, напрямую завязаны на отношениях с колхозом /АО, местными административными и рыночными структурами.[55]

Щербина прямо-таки с удовольствием описывает обстоятельность и дотошность, с которой крестьяне рассказывают о живом и мертвом инвентаре, о земле, ее обработке и аренде, строениях и другой недвижимой собственности, промышленных и торговых заведениях, об истории, учете и характере денежных расходов, денежных приходов, промыслов, кредита, остатков. Да, иногда бывают искажения-заминки в ответах, но они больше связаны с чьей-то несообразительностью и необразованностью. Но ведь на то и сход рядом. И тут же из толпы самые наблюдательные и сметливые растолкуют растерявшемуся односельчанину-ответчику суть задаваемого вопроса. Впрочем обстоятельный Щербина все же засек один важный тип систематического искажения в сведениях о хозяйстве: это вопросы, потенциально связанные с фискальными интересами государства. Вопросы о плодородии земель и урожайности, о промыслах вызывали в рядах крестьян иногда замешательство, стремление уменьшить цифры: «Горький опыт показал крестьянству, что давать точные данные об этих предметах по начальству небезопасно для интересов общины. Зависимость фискальных соображений и расчетов от качества земли и размеров урожая хорошо понимают кре-

[54] См.: Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России / под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М., 2002.

[55] См.: *Калугина З. И., Фадеева О. П.* Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. Новосибирск, 2009.

стьяне, и в этом кроются причины того дружного отпора, который оказывает как весь сход, так и его отдельные члены при определении ценности и доходности земель».[56]

Щербина отмечал и отдельные курьезы: мужчины преуменьшали траты на алкоголь, женщины – на одежду и украшения. Особый род искажений – те, к которым склонны самые богатые и самые бедные люди деревни. Народник-социалист Щербина с особой неприязнью предупреждает о кулаках, спекулянтах, ростовщиках, в разговоре с которыми земский регистратор должен сполна проявить свой профессионализм: «Подрядчик хлеботорговец, шибай, лошадиный барышник резко выделялись по иному складу домашней обстановки и потребностям. Уже один их внешний вид, приличный костюм, калоши, присутствие часов, колец и прочего давали регистратору знать, на какие расходы он должен был обратить особое внимание».[57]

Беседа по бюджету в таких случаях превращалась в захватывающее зрелище на глазах всего схода. Щербина описывает это так: «Начиналась борьба и состязание между регистратором, заставлявшим потеть и ежиться кулака под перекрестным огнем хитро придуманных вопросов, и опрашиваемым, хмуро и нерешительно пытавшимся в одном случае замолчать требуемые сведения, в другом исказить, а в третьем с отчаянием заявить о том, чего при других обстоятельствах ни в каком случае не следовало бы говорить публично. Эта полувынужденная необходимость «высказывать» сокровенные тайны кулаческого хозяйства всегда забавляла крестьян…».[58]

Если богатые искажали сведения от корысти, «коммерческой тайны», то беднейшие – от «природной бестолковости». Щербина подчеркивал: «Умственное убожество всегда идет рука об руку с убожеством материальным. Путавшийся в показаниях бедняк поэтому был выводим на надлежащие ответы соседями и односельчанами схода».[59]

Но в целом все возможные искажения составляли незначительную часть экономической информации о жизни семьи, сообщаемой подробно, честно, добросовестно.

Через сто лет уровень «алкогольно-нарядных» искажений почти не изменился, возможно, уменьшился. Бестолковость уменьшилась – все люди образованные. С «явными богачами» и «явными бедняками» теперь договориться нельзя. «Явные богачи», жители краснокирпичных коттеджей, владельцы солидных автомашин, изначально отказывались от участия в бюджетном исследовании. «Явные бедняки» – это, как правило, пьянствующие семьи, не способные вести связный бюджетный учет.

Интересна собственная самооценка сельских семей, находящихся меж явными признаками богатства и бедности: зажиточные семьи (богатые относительно местного среднего уровня) утверждали, что они относятся к средней прослойке общества; семьи бедноватые (бедные относительно местного среднего уровня) также утверждали, что они относятся к средней прослойке общества. Таким образом, и через сто лет экономика и идеология середняка на селе является ведущей.

Резко изменился «антифискальный» тип искажений: от утаек семейных сведений о промыслах и плодородии почв век назад он расширился до глобальной систематической дезинформации о занятости и ресурсах семейных экономик нашего времени. Итак, речь идет о нелегально, полулегально используемых экономических ресурсах в семье. Такое поступление ресурсов для семейного предприятия организуется с рабочих мест крупных предприятий, на которых работают члены семьи. Перечень ресурсов чрезвычайно разнообразен. Особенно ценными из них являются те, которые можно сразу использовать в отраслях семейного

---

[56] *Щербина Ф. А.* Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии. Воронеж, 1897. С. 68.

[57] Там же. С. 154.

[58] Там же. С.1SS.

[59] Там же. С. 168.

производства, – это корма для скотины крестьянского двора; стройматериалы для семейного дома; горючее, запчасти для личного автомобиля, различного вида инструменты и т. д.

Наиболее реалистичные и принципиальные из наших собеседников на старте нашего общения открыто предупреждали: «Ну, положим, я буду записывать в бюджет официальную зарплату, но как я ворую из колхоза, я же не буду вам сообщать».

Социологу приходилось терпеливо убеждать представителя семейного хозяйства, что полученные конфиденциальные сведения никто, кроме самого социолога, больше не будет знать. Все бюджетные сведения проходят аналитическую обработку безымянно. И это действительно так. Тем не менее семьям было боязно и неприятно отвечать на вопросы, затрагивающие темы неформальных экономических отношений. Сознательно и бессознательно они стремились преуменьшать масштабы неформальных акций. В этом неформальном аспекте коренилось главное отличие бюджетных сведений о семейном хозяйстве конца XX в. от сведений столетней давности.

Результаты (доказанные) наших бюджетных исследований выше и точнее формальных статистических данных, но все же заведомо ниже реальных (недоказанных) данных о неформальных семейных экономиках. Возможно, из-за этой невольной теневой деятельности семейных хозяйств современные семьи стремятся больше говорить о лучших сторонах своей жизни. Они находят смысл и оправдание своего хозяйства в ухоженности детей, достойном материально-культурном существовании своей семьи. Именно поэтому, возможно, в конце XX в. сведения о семье как о хозяйстве респонденты стремятся трансформировать в сведения о семье как о семье.

Тревожность

К сознательному и бессознательному искажению сведений толкает людей, помимо всего прочего, и разного рода тревожность. Это тревоги интимных внутрисемейных тайн: неучтенные средства мужа и жены на алкоголь, украшения, траты супружеской неверности. Это тревоги местных тайн: семьи скрывают друг от друга и от исследователя использование ресурсов местного сообщества. Во времена Щербины так скрывали обороты ростовщических кулацких хозяйств; в наше время – контроль за различными ресурсами кланов и семей местных элит. Например, семейный клан главного инженера хозяйства «контролирует» машины и запчасти, клан главного зоотехника «контролирует» корма и т. д.; наконец, страх перед внешним, большим, отчужденным миром, представляемым в сознании семей прежде всего непредсказуемостью рынка и государства. Эти страхи затейливо переплетаются, формируя плотную атмосферу тревоги, гнетущей семейные хозяйства. Они были и прежде, но иные. С тех пор изменилась и структура искажений семейной статистики: сто лет назад искажения в ответах о семье преобладали над искажениями в ответах о ее хозяйстве; ныне искажения в ответах о хозяйстве преобладают над искажениями в ответах о семье.

А. В. Чаянов: исследования, утопии, планы среди социальных катастроф[60]

Александр Васильевич Чаянов, по-видимому, является самым знаменитым и влиятельным российским аграрником международного уровня. За рубежом он получил имя крестьянского Маркса, его идеи на междисциплинарном уровне разрабатываются экономистами и социологами, антропологами и историками.[61] В основе почти всех написанных Чаяновым работ в области экономики, социологии, истории, географии, литературы (18 монографий и брошюр, более 200 статей) можно обнаружить предложенную автором модель понимания того явления, которое попало в фокус его исследовательского интереса: Чаянов – лидер в 1920-е гг. так называемой организационно-производственной школы, в 1930-е – Чаянов был репрессирован и казнен. Хотя его имя в советской России на долгие десятилетия оказалось запрещенным и забытым, Чаянова заново «открыли» на Западе в 1960-е гг., когда обнаружилось, что сельские регионы стран третьего мира обладают собственной логикой экономического развития, которая была предсказана и разработана в трудах русского аграрника.[62] С перестройкой в СССР имя Чаянова и его коллег было реабилитировано, в настоящее время переосмысливается интеллектуальное наследие чаяновской школы, переизданы и переиздаются основные научные и художественные произведения Чаянова.[63]

В данной статье проанализированы основания чаяновской социальной теории, особенности ее методологии. Специальное внимание уделено способности Чаянова соединять в своем творчестве науку и искусство, например, в написании литературно-публицистических утопий. В заключение рассматривается история взаимоотношений Чаянова и сталинской власти, завершившаяся убийством Чаянова.

---

[60] См.: Аграрные трансформации в исследованиях А. В. Чаянова //Социологические исследования. 200S. № 10. С. 88–89; Убожество для выставки достижений // Отечественные записки. 2012. № 6. С. 209–212.

[61] *Chayanov A.* The theory of peasant economy. The University of Wisconsin Press, 1986. 24. Chayanov, peasants, and economic anthropology / ed. by E. Paul Durrenberger New York [u. a.]: Academic Press, 1984. Aleksandr Chayanov and Russian Berlin/ed. by F. Bourgholzer // J. peasant studies. 1999. Vol.26. № 4. 21; Alexander Vasilievich Chayanov – the tragedy of an outstanding agricultural economist / Institut für Agrarentwicklung in Mittel – und Osteuropa/ed. by Eberhard Schulze and transl. by Marina Schlichter. 2003.

[62] См.: *Шанин Т.* Три смерти Александра Чаянова // Социологический журнал. 1995. № 1.

[63] См., напр.: *Чаянов А. В.* Крестьянское хозяйство. М., 1989; *Назаренко В. И.* А. В. Чаянов и зарубежная аграрно-экономическая наука // Вестник сельскохозяйственной науки. 1988. № 8; *Балязин В. Н.* Профессор Александр Чаянов. М.: Агропромиздат, 1990; *Данилов В. П.* Русская революция в судьбе Чаянова // Крестьяноведение: теория, история, современность. М.: Аспект-Пресс, 1996; *Баутин В. М., Виноградова И. Н. Чаяновская* библиография. М., 2008; *Чаянов А. В.* Избранное. Статьи о Москве. Письма (1909–1936). М.: Издательский дом ТОНЧУ, 2008.

Многообразие народнохозяйственных систем

Чаянов предлагал рассматривать мировое (народное) хозяйство не как однообразное, определенное классической политэкономией целое, но как конгломерат разнообразных хозяйственных форм и образований, построенных на различных организационных принципах: «Миллионы капиталистических семейно-трудовых, общественных и смешанных хозяйственных организмов, соединенных паутиной многочисленных частных взаимоотношений и некоторыми узами публично-правовой регулировки, образуют собой так называемое мировое хозяйство».[64] Каждая хозяйственная форма имеет, во-первых, свою конкретную цель существования, проявляющуюся в поисках ее выгодности и рентабельности; во-вторых, понятие выгодности и рентабельности служит основой хозяйственного равновесия системы; в-третьих, на основе хозяйственного равновесия формируется организационный план хозяйства – развернутая модель его экономической деятельности.

В работе «К вопросу теории некапиталистических систем хозяйства» (1926) Чаянов при рассмотрении эволюции мирового хозяйства выделил следующие его компоненты: основные хозяйственные системы, как они сложились в истории народного хозяйства; основные элементы, составляющие данные системы, – экономические категории хозяйственной деятельности; соотношение элементов и их систем между собой. Сводным итогом данной работы стала знаменитая чаяновская таблица народно-хозяйственных систем, в которой исторически и логически сосуществуют столь различные по времени и масштабам хозяйственной деятельности системы рабовладения и коммунизма, семейного хозяйства и капитализма. В комментариях к таблице Чаянов особо подчеркивал невозможность выразить в элементах-категориях одной системы способ существования другой, ибо каждая народнохозяйственная система являет собой сложное образование собственных внутренних связей и явлений.

Размеры и формы каждой системы определяются реальными организационно-производственными и культурно-историческими процессами. Так, в обрабатывающей промышленности при определенных технических и социальных условиях вне конкуренции оказывается капиталистическое хозяйство, а в сельском хозяйстве капиталистические отношения претерпевают существенные затруднения из-за решения общественной проблемы оптимальной концентрации производства в пространстве. В связи с размером концентрации Чаянов подчеркивает важность суждения об организованности системы не только по количественным характеристикам (мелкое или крупное предприятие), но и по качеству организации системы, определяемой целями функционирования. Итак, задачу экономической науки Чаянов видит «не в создании одной единственной универсальной теории экономической жизни народа, а в разработке ряда теоретических систем, соответствующих как еще существующим, так и ушедшим в прошлое социально-экономическим укладам и исследующих формы их существования и эволюции».[65]

Вместе с тем Чаянов признавал, что на этапе экономического развития XIX–XX вв. капиталистический уклад играет ведущую роль в развитии мирового хозяйства, хотя и имеет серьезные изъяны. Все социально-экономические реалии, находящиеся вне пределов расчета капиталистической рентабельности, в принципе «не нужны» капитализму. Неспособный к соответствующей концентрации труда и капитала в земледелии капитализм не способен к достижению решающего превосходства в конкуренции с семейным хозяйством, более того, при определенных условиях терпит однозначное поражение в соревновании с

[64] *Чаянов А. В.* Крестьянское хозяйство. М., 1989. С. 115.

[65] *Чаянов А. В.* Крестьянское хозяйство. М., 1989. С. 140.

крестьянской семьей. Наконец, прерывистое, импульсивное развитие капитализма, нарушающее экономическое равновесие, приводит к кризисам системы, опасно сказывается на существовании всего народного хозяйства. И главное, наступление капитализма на существование всего народного хозяйства приводит к возникновению ряда системных образований, противоположных капитализму по своей хозяйственной сути, вступающих с ним в серьезное экономическое соперничество, – как следствие, «мера влияния некапиталистических факторов в общем сложении мирового хозяйства несомненно и особенно возрастает…».[66] Двумя важнейшими системными явлениями такого рода Чаянов считал возникновение семейно-кооперативного и государственно-социалистического движений.

К началу XX в. собранные земские статистические сведения о сельском хозяйстве России привели к осознанию недостаточности традиционных методов изучения и понимания крестьянской экономики. Новые данные потребовали новых способов экономического анализа, который был развит и систематизирован Чаяновым.

С точки зрения классической политэкономии не удавалось объяснить: нежелание крестьян применять в своем хозяйстве рентабельные молотилки; готовность уплачивать «голодные аренды», превышающие цену земли; стремление разводить трудоемкие культуры типа картофеля и льна; развитие отхожих промыслов, отрицательно влияющее на земледелие; перевернутый уровень зарплаты в народном хозяйстве в годы неурожаев, т. е. в России зарплата оказывалась обратно пропорциональна ценам на хлеб; при благоприятной рыночной конъюнктуре происходит не увеличение объема хозяйственной работы, а наоборот, сокращение годового рабочего времени, улучшение условий труда и быта.

Объяснение, предложенное Чаяновым, основывалось на реконструкции особой экономической логики крестьянского хозяйства – семейной мотивации и выгодности, находящих свое эмпирическое подтверждение в величине валового дохода семьи, в оптимизации трудопотребительского баланса, которое (объяснение) Чаянов продемонстрировал на хрестоматийном примере: «При равном месячном валовом доходе 60 руб. и одинаковых месячных материальных издержках 20 руб. капиталистическое и семейно-трудовое хозяйство показывали разный уровень выгодности. Предприниматель выплачивал 25 руб. в качестве заработной платы рабочим, получая 15 руб. прибыли, крестьянское же хозяйство извлекало 40 руб. чистого дохода, но учитывало этот доход в расчете на трудодень – 1,6 руб. Для капиталистического хозяйства этот вариант оказывается абсолютно выгодным, для семейного трудового выгода возникала только в том случае, если потребительский бюджет не мог быть покрыт другими приложениями труда, дающими оплату трудодня выше 1,6 руб. Если, например, валовой доход в обоих хозяйствах падал до 36 руб., то капиталистическое хозяйство терпело убытки 9 руб. в месяц и разорялось, а в крестьянском лишь снижалась оплата рабочего дня до 0,64 руб. Последний вариант мог бы быть приемлем для крестьянина в том случае, если он не находил более эффективного применения труда».[67]

В более широком плане чаяновский подход модернизировал обычные стоимостные категории при понимании семейного предприятия. Так, в семейном хозяйстве прежде всего выпадает категория заработной платы, ведь крестьянин сам себе выплачивает доход в сумме зарплаты и прибыли. Рента есть просто избыточный доход, получаемый крестьянским хозяйством. Динамика цен в крестьянском секторе также подвержена определенным изменениям. Важнейший принцип крестьянского хозяйства заключается в семейном характере труда крестьянства. Недаром теорию крестьянского хозяйства Чаянова принято называть семейно-трудовой. Сам Чаянов начало своей монографии «Организация крестьянского хозяйства» (1926) посвятил всестороннему исследованию семьи как ядра крестьянского

[66] Там же. С. 141.

[67] *Чаянов А. В.* Крестьянское хозяйство. М., 1989. С. 149.

хозяйства, зависящего в первую очередь от количества членов семьи, их возраста и способа существования. Целью экономического существования крестьянской семьи является наиболее полное удовлетворение семейных потребностей на основе полного использования трудового семейного потенциала. Процесс достижения этой цели со стороны объективного наблюдателя является процессом самоэксплуатации семейного хозяйства. Чем выше потребность семьи, тем интенсивнее семейный труд.

Организационный план – идеальное, субъективное изображение системы целей крестьянского хозяйства России начала XX в., конечно, как отмечает Чаянов, не выглядел «как осознанное и письменно изложенное построение со всеми таблицами и картами, переписанное в большую тетрадь».[68] Реально, в большинстве своем, неграмотная крестьянская семья определяла выгодность или невыгодность хозяйственного решения «не путем арифметического исчисления доходов и затрат, а чаще всего интуитивным ощущением хозяйственной приемлемости или неприемлемости этого начинания… путем преемственности, подражания, опыта и многолетнего, часто подсознательного отбора удачных методов хозяйственной работы». Заслуга Чаянова заключалась в проникновении через всесторонние эмпирические исследования в экономическую душу (Чаянов неоднократно писал об организационном плане как о «душе хозяйства») крестьянства России.

Конкретное исследование связей элементов хозяйства на уровне организационного плана невозможно без учета существования крестьянской семьи не в абстракции, а в действительной системе народного хозяйства, где важнейшей характеристикой является связь семейного хозяйства с рынком, степень развития в нем товарного производства. Эта связь революционным образом преобразует хозяйство: «Благодаря своему соприкосновению с рынком хозяйство получает возможность выбрасывать из своего организационного плана все те малодоходные отрасли производства, в которых продукт получается в своем хозяйстве… В организационном плане остается только то, что им дает высокую оплату труда, или является по техническим соображениям незаменимым элементом производства».[69]

Вот примерный перечень построения организационного плана крестьянской семьи: 1) выбор направления хозяйства на основании имеющегося информационного материала о доходности отдельных культур, методов земледелия и скотоводства, принятых и могущих быть применяемыми в данном районе; 2) организация отдельных отраслей крестьянского хозяйства и вспомогательные расчеты – учет трудовых сил семьи и ее потребительских запросов, учет землевладения и возможного землепользования, организация полевого хозяйства, тяги (рабочих лошадей), кормодобывания, продуктивного скотоводства, удобрения, огородничества, садоводства и прочих сельскохозяйственных отраслей, организация территории в натуре, учет всех работ в сельском хозяйстве, организация инвентаря, технических производств, кустарных и отхожих промыслов, построек, капитала и оборота денег; 3) проверочные балансы: баланс и организация труда, смета и исчисление доходности. Фактически дальнейшие направления исследования Чаянова посвящены многочисленным примерам анализа конкретных проявлений хозяйственной деятельности крестьянских семей. Последняя глава книги Чаянова «Семейное хозяйство как одно из слагающих систем народного хозяйства и возможные формы его развития» ищет ответ на два вопроса: каково место крестьянского хозяйства в конгломерате народнохозяйственных форм; каковы пути дальнейшего развития крестьянского семейного хозяйства.

При рассмотрении первого вопроса Чаянов отмечает, что интенсивное проникновение рыночных капиталистических отношений в натурально-хозяйственную экономику крестьянства приводит к неоднозначным последствиям. С одной стороны, крестьянское хозяй-

[68] *Чаянов А. В.* Крестьянское хозяйство. М., 1989. С. 284.

[69] *Чаянов А. В.* Крестьянское хозяйство. М., 1989. С. 290.

ство подчиняется законам мирового капиталистического рынка. Через цены на труд и капитал капитализм ставит под контроль наиболее выгодные ему продукты крестьянского труда. С другой стороны, втягиваясь в мировой хозяйственный оборот, испытывая кризисное давление капиталистических отношений на слабые элементы своего хозяйства, крестьянская семья обладает, кроме своей знаменитой экономической выживаемости – самоэксплуатации, еще одним успешным средством в конкуренции с капиталистической системой – кооперацией семейных хозяйств. В крестьянской кооперации заключается ответ на второй вопрос о будущем крестьянского уклада как системы.

Кооперация – любимое детище организационно-производственной школы Чаянова. В многочисленных статьях и книгах по проблеме кооперации прослеживаются две главные темы исследования: 1) анализ и расширение понятия кооперации как социально-экономического явления; 2) доказательство того, что в сельском хозяйстве между крестьянскими семьями принципы кооперации достигают наивысшего развития. Если в крестьянском или капиталистическом хозяйстве все элементы предприятия связываются единой волей – мотивацией семьи или капиталиста, то в кооперации связь иного рода: отдельные выборочные элементы (функции) различных хозяйств, например кредит или сбыт, объединяются в кооперативное общее предприятие для достижения через это объединение особенной выгоды каждого из участников. Иными словами, «кооператив не представляет из себя изолированного предприятия… он есть организованная часть на коллективных началах и только часть экономической деятельности той или иной группы людей».[70]

В кооперации основание организационно-производственного процесса, а также управление и организация имеют специфику. Например, потребительский кооператив концентрирует закупочную активность своих членов и больше никаких интересов не охватывает. Сырьевое товарищество ремесленников кооперирует особую функцию снабжения материалами для работы своих членов и т. д. Кооперация не может рассматриваться абстрактно без того экономического основания (хозяйственных интересов классов и групп), на котором она вырастает. Основное социально-экономическое равновесие кооператива заключается в согласовании требований экономической эффективности производственного процесса со справедливым участием в управлении каждого члена кооператива и получением пропорционального дохода от своего вклада в кооперативное предприятие (один пай – один голос). Основное равновесие в кооперации Чаянов предлагал рассматривать через взаимодействие между кооперацией как хозяйственным предприятием и кооперацией как движением.

Суть кооператива как эффективного хозяйственного предприятия – в соединении элементов коллективной собственности с непосредственной отчетностью правления перед пайщиками. Кооперация как движение, как средство достижения оптимальной социальной справедливости заключается в ее антикапиталистической направленности, с одной стороны, с другой – в «антигосударственных» (антибюрократических) принципах существования. Чаянов доказывал, что именно мотивация (интересы) семейного предприятия, тем более в сельском хозяйстве, является источником наиболее прочного и гибкого, обширного и глубокого воплощения всеобщего народнохозяйственного идеала, достижения гармонии между экономической эффективностью и социальной справедливостью. Сама производственно-социальная база сельского хозяйства – характер сельскохозяйственных процессов, синтезирующий в себе разнообразие природных и социальных факторов, преломляющийся через логику семейного хозяйства, – под воздействием рынка обусловливает особый успех кооперации.

В организационном плане хозяйства каждой отдельной крестьянской семьи обнаруживается источник к развитию целой сети кооперативных отношений. Вот примерная класси-

[70] *Чаянов А. В.* Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М., 1991. С. 81.

фикация элементов сельскохозяйственной кооперативной системы, извлеченная из анализа организационного плана крестьянского хозяйства: 1) категории хозяйственных процессов – механические процессы, связанные с пространством обрабатываемых земель (машинные товарищества, товарищества совместной обработки, мелиорационные и водные товарищества); 2) категория – биологические процессы (племенные бычьи союзы, общества племенных книг, контрольные и селекционные товарищества); 3) категория – механические процессы первичной обработки (молотильные, маслодельные, картофельно-терочные, овощесушильные и подсобные товарищества); 4) категория – хозяйственные операции, связывающие хозяйство с внешним миром (кооперативы по закупке, товарищества по сбыту, кредитные, земельные и арендные товарищества, страховые союзы).

Чаянов, приводя любую классификацию, всегда подчеркивал приоритетность группировки элементов, что всякая классификация служит лишь для описания определенного среза, стороны научного анализа. Данная классификация отражает абстрактную логику составляющих моментов сельскохозяйственной кооперации. Живая, конкретная кооперация имеет (иную) историческою логику. В монографии Чаянов придерживался именно исторического изложения развития кооперации как системы: кредитная кооперация как исторически и организационно исходный пункт крестьянской кооперации; наиболее старая и мощная кооперация по закупкам; затем идет кооперация по сбыту и, наконец, кооперация по переработке, связанной со сбытом. После этих наиболее развитых и важных форм движения, связанных с кооперированием внешних экономических связей хозяйства, даны характеристики роли и формы кооперированного развития в организации внутрихозяйственных процессов (биологических и механических).

Особая форма кооперативного предприятия – «интегральная земледельческая артель», или колхоз. Чаянов полагал, что в данной форме принципы кооперативного сотрудничества сконцентрированы сверх рационального оптимума, определяемого рыночной конъюнктурой. Для успешной работы данной формы необходимы или высокий религиозный, идейный устой (стимул, мотив) членов артели, или авторитарное, мудрое руководство ее руководителя. Кроме того, слабым звеном системы является противоречие между жестко заданной численностью работников и эластичностью конъюнктуры рынка.[71]

Главной проблемой в успешном функционировании кооперации как системы Чаянов полагал согласование воли рядовых пайщиков с тактикой принятия решения и хозяйственной стратегией центральных кооперативных органов: «Перед нами почти неразрешимая проблема: каким образом, сохраняя волю самодеятельного населения, объединенного в кооперативы, объединить также волю центральных объединений, единство и независимость которых одни только обеспечивают успех дела? Вопрос сложный и болезненный…».[72] И здесь Чаянов, как и во многих других социально-экономических ситуациях, несмотря на свой огромный теоретический и практический опыт, не выдавал однозначных рекомендаций, ибо все решается «для разных видов кооперации и прямых условий места и времени по-разному».[73]

Россия и мир:

[71] См.: *Чаянов А. В.* Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М., 1991. С. 382.

[72] См.: *Чаянов А. В.* Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М., 1991. С. 404.

[73] Там же. С. 405.

Реальные и утопические аграрные экономики

Чаянов много и плодотворно занимался изучением не только сельской России. Его исследовательские интересы распространялись на аграрные регионы других стран и континентов. Обширное чаяновское наследие связано с аграрной экономикой Италии, Германии, Франции, Швейцарии, Дании, Бельгии еще довоенного и дореволюционного времени, когда аспирант Чаянов много путешествовал по сельской Европе, посещая ее ведущие аграрные исследовательские центры и оперативно публикуя свои зарубежные аналитические отчеты-впечатления в отечественных аграрных изданиях.[74] После революции, являясь ответственным совслужащим, директором исследовательского института, Чаянов состоял в научной переписке с ведущими зарубежными исследовательскими центрами мира. Сам он несколько раз побывал в 1920-е гг. в зарубежных командировках, внимательно размышляя над траекториями советского и зарубежного аграрного развития.[75] Особо плодотворно Чаянов сотрудничал с немецкими учеными, иногда изначально публикуя по цензурным соображениям свои работы на немецком языке.[76]

Примером чаяновского анализа ключевых проблем советской экономики в связи с мировым развитием 1920-х гг. может служить его письмо лета 1923 г., написанное в Германии Е. Д. Кусковой, замечательному деятелю кооперативного движения в России, высланной большевиками в эмиграцию. В этом письме мы обнаруживаем личные сомнения Чаянова в устойчивости и демократичности советского режима, а также в смысле и безопасности собственной работы в СССР. Но именно поэтому, полагает Чаянов, так важно для России развивать и укреплять международное сотрудничество, которое могло бы стать некоторым гарантом политической стабильности и защищенности российского населения от большевистского волюнтаризма: «Надо твердо и определенно разделить Россию и С ССР. Надо признать живые процессы в народном хозяйстве, содействие этим процессам интеллигенции, работающей с советской властью. Если мы этого не сделаем, то будем выброшены и останемся навсегда в стороне от России… Надо создать такое внутренне настроение, при котором можно было через СССР видеть Россию и ее живые силы… Вот что передо мной неясно мелькает… Я буду писать про интервенцию, но не военную, а экономическую. Мне представляется неизбежным в будущем проникновение в Россию иностранного капитала. Сами мы не выползем. Эта интервенция… идет и теперь, в наиболее разорительных для России формах. Эта интервенция усилится, так как при денежном хозяйстве в России и давлении Запада будет всегда более реальным… Это куда страшнее Врангеля и всяких военных походов! Так нельзя ли нам также использовать эти экономические возможности, открывающиеся перед Западом? Нельзя ли к экономическим концессиям Запада присоединить наши политические концессии?… Я почти уверен в том, что эксплуатировать концессии (28–30 лет!) спокойнее и выгоднее при гражданском правопорядке… Но что же делать? Я с большим усилием пишу статьи, с большим усилием работаю. И если не будет перспектив, то невольно думается о преодолении себя и переходе где-нибудь, хотя бы в Литве, хотя бы в Эстонии, на хозяйственный труд».[77]

---

[74] См., напр.: *Чаянов А. В.* Кооперация в сельском хозяйстве Италии. М., 1909; Хозяйствующий человек в немецком земледелии. М., 1912; Крестьянское хозяйство в Швейцарии. М., 1914.

[75] См.: *Чаянов А. В.* Краткий обзор центров экономической мысли в области сельского хозяйства в Европе и других странах//Бюллетень научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономии. 1927. № 1–2.

[76] Например, знаменитая «Теория крестьянского хозяйства» Чаяновым впервые была опубликована именно на немецком языке: Die Lehrevonderbauerlichen Wirtshaft. B., 1923. Русское издание книги вышло на год позже, в 1924 г.

[77] *Чаянов А. В.* Письмо Е. Д. Кусковой. 1923 г.//Чаянов А. В. Избранное. Статьи о Москве. Письма (1909–1936). М., 2008. С. 194–196.

Из этого письма видно, что Чаянов предлагает развивать экономическое взаимодействие советской России с Западом на условиях соблюдения если не политических свобод, то хотя бы стабильных политических прав в СССР, обеспечивающих устойчивую трансформацию советского режима в сторону его постепенной демократизации. Сам Чаянов, кажется, скептически относился к возможностям воплощения такой демократической перспективы. Как мы знаем, эти предчувствия в их пессимистической форме сполна сбылись в судьбе Чаянова. А пока в 1923 г. он продолжает свою профессиональную деятельность, отправляясь из хорошо ему знакомых европейских стран в свою первую и последнюю поездку в США.

Чаянов находился в научной командировке в США в конце 1923 г. в течение двух с половиной месяцев. Целью его американского визита было изучение организации работы департамента земледелия США, а также исследование работы опытных сельскохозяйственных учреждений и ферм. По результатам своей американской поездки Чаянов выступил с докладом на коллегии Наркомзема в феврале 1924 г. Ключевые положения этого доклада представляют чрезвычайный интерес, так как дают меткие и глубокие характеристики различным аспектам сравнения советской и американской организации сельского хозяйства в их соревновательной перспективе.

Изначально Чаянов подчеркивает, что Америка – особенная страна, в которой все построено на машине, и что Первая мировая война обогатила Америку, обеспечив ее приливом золота и расширением посевных земель, необходимых для прокормления своей и союзнических армий. В Америке, стране промышленной, где цены на рабочие руки чрезвычайно высоки даже в аграрной сфере, постоянно существует угроза высокой себестоимости продукта, и отсюда проступают главные черты американского сельского хозяйства – его экстенсивность и рационализированность. По мнению Чаянова, американское хозяйство также является типичным капиталистическим хозяйством, а для сельского хозяйства это означает, что «фермер – подставное лицо, он является батраком крупного капитала».[78]

Чаянов полагает, что в своей внешней и внутренней политике послевоенная Америка полагается исключительно на внутренний рынок, ибо «американцы в своих расчетах указывают, что они двигаются в направлении индустриализации, а сельское хозяйство рассматривают только как такую область, которая дает устойчивость и снабжение индустриальных рабочих и всех контингентов населения Америки соответствующими продуктами. Они, поэтому, не видят катастрофы в том, что производство сельскохозяйственных продуктов на вывоз стало невыгодным. Они спокойно смотрят на то, что Россия займет то место, которое она занимала до войны и из которого обстоятельства заставили ее выйти».[79] Исходя из вышеизложенного, Чаянов делает оптимистический вывод: «Зная, что Америка выпадает из международного рынка, мы смело можем занять это место».[80] Впрочем тут же, размышляя над организационной ролью советских Наркомзема и Внешторга в международной торговле сельхозпродуктами, Чаянов критически отмечает, что «у нас очень большие накладные расходы, и мы плохие торговцы».[81] Итак, если организационно перестроить советскую внешнюю торговлю, то тогда, полагает Чаянов, у Советской России существуют хорошие экспортные перспективы в торговле не только с Европой, но и Америкой.

Общаясь с американскими специалистами по внешней торговле, Чаянов обнаружил у них огромный деловой интерес к сотрудничеству с Советской Россией: «Я направился в департамент торговли и промышленности… когда я зашел туда, я увидел там и «Правду», и

---

[78] Доклад товарища Чаянова о поездке по Америке (прот. № 3 заседания коллегии Наркомзема от 2 февраля 1924 г.)// РГАЭ. Фонд 478. Оп. 1. Д. 1208. Л. 4–9 об.

[79] Там же.

[80] Там же.

[81] Там же.

"Экономическую жизнь", и все материалы о России. Мне там объяснили, что она рассматривает Россию как ближайший рынок. Они говорят, что об Америке они знают гораздо меньше, чем о нас. То же самое и в департаменте земледелия… я увидел самые последние издания ЦСУ, увидел карту РСФСР в новых границах… Конечно, Америка интересуется нами не только в плоскости снабжения нас капиталом, но и в плоскости получения от нас чего-нибудь».[82] По мнению Чаянова, послевоенная Америка, чрезвычайно богатая капиталами, ищет им приложение на международных рынках, в этой связи аграрные перспективы советского развития также могут стать чрезвычайно притягательными для американских денег. Чаянов полагал, что в самое ближайшее время СССР мог бы организовать экспорт в Америку семян сахарной свеклы и вообще семян нетрудоемких культур и лекарственных растений. Также, само собой, напрашивалось развитие экспорта продуктов леса и пушного промысла.

Переходя от перспектив советско-американского соперничества-сотрудничества в производстве и торговле сельхозпродуктами к сравнительному обозрению организации управлением земледелия в двух странах, Чаянов давал чрезвычайно высокую оценку эффективности и профессионализму департамента земледелия США, который свою работу строит на доверии к информации и делам «снизу». В отличие от советского централизованно забюрократизированного Наркомзема, у американского департамента земледелия «нет центральной работы в большом масштабе – зато полное доверие к местам вовлечения местных фермеров к своим работам».[83] В Америке правительственный агроном ничего не организует, а только помогает фермерам, являясь одним из членов местного фермерского бюро, состоящего из избранных в него 4–5 фермеров. Агроном вовлекает в агрикультурную работу местное население лишь через консультирование фермеров, но не посредством приказов и директив. Агроном и его агрономический участок содержатся на софинансировании со стороны как фермеров, так и государства. Чаянов многократно подчеркивает, что, обозревая всю пирамиду сельскохозяйственного управления в США, он убеждался, что оно эффективно именно потому, что прежде всего демократически аккумулирует энергию сельскохозяйственных производителей на местах.

Чаянов дал любопытные соревновательные характеристики различий в деловой и интеллектуальной культуре двух наций: «Я бы не сказал, что американцы в учености выше нас. Американская нация не является выдающейся с этой стороны. Существенно то, что эта нация очень аккуратна, очень жестка и умеет добиваться своего, устранять все препятствия. Отсутствие разгильдяйства, отсутствие расхлябанности, в противоположность нам, бросается в глаза. Но если не принимать во внимание нашего разгильдяйства, то нужно российскую нацию поставить выше. Американцы не так образованы, как мы, не так вообще думают. Я даже чувствовал, несмотря на плохое знание английского языка, что значительно выше стою многих американских профессоров».[84] Фактически реальный образ Америки во многом подтвердил для Чаянова его вымышленное видение этой страны.

Здесь мы должны отметить, что Чаяновым, кроме его чисто литературных фантастических повестей, были написаны две научно-фантастические утопии, посвященные прогнозам возможного российского и всемирного сельского развития. В первом произведении «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» главный герой, высокопоставленный советский служащий времен Гражданской войны, загадочным образом попадает в Москву 1984 года. Там он выдает себя за иностранца, а именно за американца, знакомящегося с социально-экономическим устройством России и мира конца XX в. В это время весь

[82] Доклад товарища Чаянова о поездке по Америке (прот. № 3 заседания коллегии Наркомзема от 2 февраля 1924 г.) // РГАЭ. Фонд 478. Оп. 1. Д. 1208. Л. 4–9 об.

[83] Там же.

[84] Доклад товарища Чаянова о поездке по Америке (прот. № 3 заседания коллегии Наркомзема от 2 февраля 1924 г.)// РГАЭ. Фонд 478. Оп. 1. Д. 1208. Л. 4–9 об.

мир в чаяновской утопии разделен на пять замкнуто автаркических народнохозяйственных систем: англо-французскую, американскую, германскую, японо-китайскую и российскую. Каждая из систем основывает свою экономику на культурных основаниях, наиболее ей присущих, например, японо-китайской системе присущи императорско-феодальные черты; германская фактически полностью огосударствлена, является своего рода пародией на систему советского военного коммунизма; Америка – страна монополистического капитала и семейного фермерства.[85]

В основе экономики России находится строй сельских и городских домохозяйств, объединенных в обширные и гибкие системы кооперации. Впрочем в этой системе существует и мощный государственный сектор, чье могущество основано на контроле природных богатств, распределяемых в интересах всего общества. Есть в России и капитализм, который по пословице «на то и щука, чтобы карась не дремал» выполняет функции менеджериально изобретательного и мотивационно стимулирующего фермента в народном хозяйстве и находится под неослабным государственным и общественным контролем из-за присущих ему деструктивно дифференцирующих черт воздействия на общество. В этой утопической России пластично взаимопроникают друг в друга своими лучшими сторонами городской и сельский образы жизни, хотя и в этом утопическом мире существуют конфликты и соперничество. Главный герой становится свидетелем нападения Германии на Россию, именно в этот момент его арестовывают, подозревая, что за его странным американским акцентом скрывается германский шпион. Россия стремительно одержала победу в войне благодаря применению своего атмосферического чудо-оружия, главного героя выпустили на свободу, на этом первая часть повести окончилась. А вторую часть Чаянов не написал из-за усиливающейся советской партийной цензуры, которая к первой части, написанной в годы военного коммунизма, предсказавшей альтернативу появления в стране утопического нэпа с гуманистически-крестьяноведческим лицом, предъявляла серьезные претензии.[86]

Почти через десять лет после первой утопической повести в канун «великого перелома» появился второй фантастический чаяновский прогноз «Возможное будущее сельского хозяйства».[87] Сравнить хотя бы бегло эти два произведения необходимо. Сразу бросается в глаза абсолютная противоположность двух утопий: утопия 1919 года – затейливо-замысловатая сказка с юмором, пародией, притчей, критикой; утопия 1928 года – суховатая (особенно для пера Чаянова), подчеркнуто научно-практическая сводка предстоящих изменений в сельском хозяйстве. В утопии 1919 года большая часть изложения посвящена описанию социальных отношений будущего: крестьянская держава, царство кооперации, развитие и управление обществом снизу в самых разнообразных формах культурной и политической самоорганизации. В утопии 1928 года ни социальные отношения, ни крестьянство вообще не упоминаются, зато приведен каскад научно-технических достижений – от генной инженерии зерна до изменения полярного климата (включая изощренную механизацию, химизацию, мелиорацию), которые полностью затмевают скромный метеорефор – машину изменения погоды, главного носителя сельскохозяйственного прогресса в первой утопии Чаянова.

Утопия 1919 года остается прекрасной незавершенной крестьянской сказкой. В утопии 1928 года финал без всяких культурно-национальных различий ясен: «В сущности, будущее сельского хозяйства – правда, самое отдаленное, – это отмена сельского хозяйства, в современном смысле этого слова, и переход к изготовлению питательных и текстильных

---

[85] См.: *Чаянов А. В.* Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии // Чаянов А. В. Венецианское зеркало. Повести. М., 1989.

[86] См.: *Чаянов В. А., Петриков А. В.* А. В. Чаянов и следствие ОГПУ по делу Трудовой крестьянской партии // Сельский мир. Альманах. М., 1998. С. 21–23, 80, 86–87.

[87] *Чаянов А. В.* Возможное будущее сельского хозяйства // Жизнь и техника будущего: социальные и научно-технические утопии. М.; Л., 1928.

материалов фабричным способом, подобно обычным продуктам тяжелой и легкой индустрии, путем ассимиляции азота и углекислоты из воздуха с помощью химического, синтетического процесса».[88] И еще: «Все сельское хозяйство превратится тогда в такую же размеренную систему производства, какой является наша обрабатывающая промышленность: ни один момент случайности, ни один момент произвола Николая Угодника здесь уже не будет иметь места…».[89]

Так, утопия 1928 года полностью отрицает утопию 1919 года, мировоззренческие установки основной чаяновской теории крестьянского хозяйства: в будущем нет места крестьянской семье – самой совершенной форме организации труда и хозяйства; в будущем уникальность и неповторимость процесса хозяйствования на земле должна подчиниться всеобщему ритму фабрично-заводской промышленности и раствориться в нем. Стандартизация технического прогресса упраздняет разнообразный мир Чаянова. Таким образом, и в сфере фантазии в конце 1920-х гг. чаяновский гений вынужден был подчиниться мифологии шоковой индустриализации. Впрочем, и во второй утопии, в самом ее названии Чаянов оставил намек на неистребимость альтернатив, ибо «Возможное будущее сельского хозяйства» означает, что у сельского хозяйства могут быть и иные варианты. Лишь в одном две утопии странным образом схожи – мистической способностью их автора предсказать происшествия конкретные и значительные. Так, в утопии 1919 года упоминается разрушение храма Христа Спасителя и путч диктатора Варварина в 1937 г., в утопии 1928 года – исчезновение Аральского моря: «Мы не сомневаемся, что в целом ряде районов, где мощные реки могут послужить исходным пунктом орошения, мы можем создать из сжигаемой солнцем пустыни роскошные оазисы, напоминающие собой тропические формы земледелия. Быть может, для этого потребуется погубить Аральское море путем израсходования на орошение всех вод питающих его рек и поставить крест на аральском рыболовстве…».[90]

[88] Там же. С. 241.

[89] Там же. С. 250.

[90] *Чаянов А. В.* Возможное будущее сельского хозяйства // Жизнь и техника будущего: социальные и научно-технические утопии. С. 257.

Система государственного коллективизма – совхозный план 1930 года

В научной и государственной деятельности Чаянова мы обнаруживаем практическое участие и сотрудничество в экономическом управлении большевистским государством. Не сразу – в 1917 г. Чаянов однозначно отрицательно относился к экспансии российского большевизма, – но все же он принял решение связать свою жизнь и судьбу именно с Советской Россией.

С 1918 по 1930 г. Чаянов опубликовал более двух десятков статей по теории и практике советской государственной экономики. С точки зрений общей социально-экономической теории Чаянова в России после Октября 1917 года возникает новая хозяйственная система, не самая эффективная и гуманная, но достаточно живучая, с определенным потенциалом развития. В уже упоминавшейся классификации из работы «К теории некапиталистических народнохозяйственных систем» среди капиталистического, крестьянского товарного и натурального, феодального, рабовладельческого хозяйства мы обнаруживаем хозяйство государственного коллективизма. Так Чаянов называл экономическую систему, возникшую в России в период военного коммунизма. Хотя эта система существовала лишь несколько лет, в сравнении со столетними и тысячелетними сроками жизни ее соседок, по чаяновской классификации, тем не менее Чаянов дал объективное описание этого способа хозяйствования с рассмотрением как достоинств, так и недостатков государственного коллективизма, воздерживаясь от превосходных или уничижительных характеристик, которые сопровождают этот хозяйственный строй со времени его возникновения до сих пор.

Итак, система государственного коллективизма характеризуется, по Чаянову, следующими основными признаками: уничтожением категорий капитализма – капитала, процента на капитал, зарплаты, ренты; единым огромным хозяйством всего народа; выполнением планов государственных органов, определяющих структуру, пропорции, темпы и цели развития экономики. Главное отличие данной системы от остальных заключается не просто в отсутствии рыночных отношений, а в неспособности «существовать чисто автоматически, элементарно». Для этого строя требуются непрерывные общественные усилия и всеобщие государственные меры экономического и внеэкономического принуждения.

Полагая режим государственного коллективизма возможным, но отнюдь не считая его самым лучшим, Чаянов пытался осмыслить причины его возникновения и возможности развития. Размышляя над шансами советского строя, Чаянов относил к причинам его возникновения не только кровь массового революционного энтузиазма, обновляющую возможности государственного организма, но и некоторые архетипические основания: например, жестокая «политика просвещенного абсолютизма», проводимая государством для блага темных сограждан, или «схожесть» идеального советского государства с большой крестьянской семьей – со своим мудрым и грозным отцом семейства, родственностью семейных чувств, натурализацией и замкнутостью от всего мира. И хотя в 1921 г. военный коммунизм потерпел крах и Чаянов получил возможность заниматься своим любимым внегосударственным и некапиталистическим крестьянско-кооперативным направлением, он не сбрасывал со счетов колоссальные возможности новорожденного строя XX в., которые в конце 1920-х гг. стали вновь усиленно воплощаться в жизнь.

Уже в ряде работ 1927–1928 гг. Чаянов дал глубокую характеристику развертывающихся событий, проницательно предсказав переворот общественных аграрных отношений в стране. В это время он переключается на форсированную разработку проблем сверхкрупных советских сельских хозяйств, и лишь арест прервет его работу. Особое значение в понимании чаяновского творческого наследия конца 1920-х гг. имеет статья «Эволюция идеи о сов-

хозах» (1928), где проведена четкая фиксация этапов совхозного строительства советской России. Чаянов показал, что совхоз – последовательно государственное советское предприятие – является безошибочным индикатором аграрной политики и аграрных отношений в стране. Как палеонтологи по изменениям скелета определенного вида животных отмечают моменты и пути эволюции природы, так и Чаянов описывает этапы совхозного строительства, каковых он к 1928 г. насчитал целых семь: 1) борьба центра против стихийного распыления земельной площади крупного хозяйства (1918–1921); 2) идея создания «фабрики зерна и мяса» и осуществление данной идеи в приписных совхозах (1919–1921); 3) идея совхозов как последовательно социалистической формы в развитой системе военного коммунизма (1920–1921); 4) эпоха ликвидаторства совхозов (1921–1922); 5) идея использования совхозов как орудий агромероприятий (1922–1923); 6) борьба за систему трестированных совхозов и идея социальной рентабельности совхозов (1923–1926); 7) хозяйственное укрепление совхозной сети, превращение совхозов в предприятия последовательно-социалистического типа, работающие в системе общей плановой организации сельского хозяйства.[91] Обратим внимание на чаяновскую характеристику самого последнего (седьмого) этапа, начавшегося в 1927–1928 гг., и связанные с этим этапом обобщающие социально-политические выводы и оценки ученого.

Чаянов совершенно определенно характеризует текущий период как возвращение ситуации военного коммунизма. Он показывает, что совхозы в конце 1920-х гг. были вновь подчинены экономическим идеям военного коммунизма, которые были отброшены с введением нэпа: вновь проектируется интенсивное строительство «фабрик зерна и мяса», совхозы получили «революционно-производственную установку», в отличие от нэповской «установки охранительной» – в период нэпа совхоз – это прежде всего институт сохранения государственного земельного фонда, от которого исходит просветительская, агрономическая, племенная, техническая помощь крестьянским хозяйствам. Начиная с 1928 г. совхоз – хозяйственно и организационно окрепшая форма развития сельского хозяйства, его рост политически, организационно, материально всемерно поддерживается государством. Вновь экстренно осуществляется идея аграрных преобразований в последовательности «крестьянские хозяйства – колхозы – совхозы» – идея того же военного коммунизма. Самая важная мысль статьи: военный коммунизм в истории страны – не случайность, порожденная Гражданской войной, «так как именно в тот героический период нашей революции мы, быть может, без достаточных материальных обоснований и в грубых формах поставили перед собой всерьез и надолго задачи практического осуществления ряда идей социалистической организации народного хозяйства». Но через десять лет военный коммунизм не повторяется автоматически, а вступает в новую фазу – «идеи двадцатого года… возникают вновь в гораздо более углубленном и обновленном виде и, что самое главное, с материальными возможностями для своего осуществления».[92]

Восстановленное, окрепшее после войны хозяйство, контролируемое многократно усилившимся государственным аппаратом, теперь всемерно подчиняется идее, отсутствовавшей в 1920 г., не только планового государственного хозяйства, но и плановой реконструкции сельского хозяйства в целом. С воплощением этой идеи в жизнь начинается эпоха тотального государственного воздействия на «все сельскохозяйственное производство определенных плановых районов во всей его совокупности». Сделав этот однозначный и окончательный вывод, Чаянов все дальнейшее изложение посвящает рациональному воплощению так называемого планового воздействия в зависимости от разнообразия социальных и природных факторов.

---

[91] См.: *Чаянов А. В.* Эволюция идеи о совхозах// Совхоз. 1928. № 9–10. С. 43.

[92] *Чаянов А. В.* Эволюция идеи о совхозах // Совхоз. С.45.

По сути, «социалистическая реконструкция сельского хозяйства» – идеологическое обоснование коллективизации – означала создание жестко централизованного механизма всеобщего огосударствления и планирования. Суть чаяновской программы для организации социалистических аграрных предприятий можно свести к следующему: коль огосударствлять, так по-государственному – с четкой концентрацией научных, организационных и материальных сил на приоритетных, эффективных направлениях, с формированием оптимально больших размеров государственных хозяйств, что позволит упростить и сократить административно-управленческие, расходы по созданию ремонтной и транспортной базы, а также общие расходы хозяйств. Такое огосударствление позволит в гигантских ландшафтах сельских предприятий укрыть остатки маневра хозяйственной и личной самостоятельности земледельца и побыстрее разношерстные колхозы, наклепанные усердствующими активистами, формально кооперативные, но реально во всем подчиненные государству, укрупнять по точным научным разработкам и переводить в совхозы; все сельское хозяйство огосударствлять, превратить его в единый приписной совхоз. И когда государство в сельском хозяйстве останется наедине с самим собой, оно будет вынуждено нести ответственность за свое хозяйство.

План совхозного Чаянова, безусловно, отрицает Чаянова кооперативного. Разве не утверждал Чаянов-кооператор, что искусство сельского хозяина есть умение учитывать частности, своеобразие, неповторимость данного участка природы и взаимодействующего с ней человека. Исходя из этой уникальности разрабатывался крестьянский организационный план, подбирались средства производства. В совхозном же плане упор сделан на полную унификацию и стандартизацию, но этому в государственном хозяйстве России 1930-х гг. есть безусловное объяснение. Во-первых, всеобщая стандартизация и унификация позволяла в кратчайшие сроки сформировать структуру государственного управления и образования, произвести если не культурную революцию, то хотя бы некий культурный ликбез среди сельских жителей, с началом коллективизации окончательно лишавшихся основ традиционной культуры. Во-вторых, в мощных, механизированных предприятиях предъявляются более серьезные и научные требования к организатору и руководителю производства. Чаянов почти не упоминает, каким должен быть тип нового работника (хотя в организационно-производственной школе хозяйствующий человек в земледелии есть центр изучения), но его план подразумевает создание в кратчайшие сроки действительно нового типа труженика, который будет обладать навыками, дисциплиной, кругозором индустриального рабочего, а, с другой стороны, в работе на земле в нем возможно сохранение характера крестьянина. Тем более что Чаянов отмечал (правда, без каких-либо комментариев, как факт) наличие у большинства совхозных работников подсобного хозяйства. Наконец, максимальная механизация потребовала бы и максимальных капиталовложений в сельское хозяйство. То, что государство не давало единоличникам и колхозам, оно вынуждено было бы выделить собственным совхозным предприятиям.

Создание новой сельскохозяйственной системы Чаянов стремился осмыслить не только в организационных, технологических, но и политэкономических отношениях. Цели и критерии хозяйствования нового земледелия он определял на основе социальной и экономической природы социалистического сектора хозяйства. Для выяснения особенностей экономических принципов работы совхоза Чаянов приводил соответствующие сравнения совхозов с капиталистическими предприятиями: капиталистическое предприятие руководствуется максимумом прибыли; социалистическое предприятие – часть планово руководимого хозяйства страны, и его задача – взаимодействие динамического характера с плановым руководством.

Если при капитализме организация и выбор сельскохозяйственного предприятия определяются подбором его товарных отраслей и культур, то в советском хозяйстве дело обстоит

иначе. Здесь Чаянов в традициях позднего средневековья дает абсолютному государю – «организатору планового хозяйства» – своего рода рецепты: «Он (организатор) должен установить количественно и качественно те сельскохозяйственные продукты общественного оборота, которые необходимы для народнохозяйственного баланса страны, и, поскольку наши планы строятся на основе районирования, распределить сообразно естественным и экономическим особенностям конкретного района продукцию между ними и затем определить, на какие производящие аппараты, существующие в каждом районе, он должен возложить их производство. Этот выбор, так же как и выбор производственных районов, должен зависеть от анализа технических, почвенных и дистанционных особенностей каждого из этих аппаратов и производиться так, чтобы гарантировать наиболее дешевую себестоимость производства необходимого количества каждого из продуктов. Наряд, возложенный сообразно общему анализу хозяйства района на каждый совхоз и представляющий собой часть производственного плана всего общественного сектора сельского хозяйства, и определяет собой направление хозяйства. Таким образом, определение направления хозяйства совхоза и колхоза есть установление его роли в общей системе народного хозяйства и страны в целом. Цель же основного звена государственной сельскохозяйственной системы – совхоза – выполнение плана и самоокупаемость, при которой он… совершенно прочно держался на своих ногах без всяких стеклянных колпаков, дотаций и посторонней помощи».[93] Для этого организатор совхоза ответствен за три экономические задачи: полностью выполнять количественно и качественно полученный наряд, делать это наиболее дешево, не дороже заданного лимита, и гарантировать в своей работе не только простое, но и расширенное воспроизводство с возможностями отчисления в общегосударственные фонды социалистического накопления.

Общие выводы из проекта чаяновской государственной системы сельского хозяйства можно сформулировать следующим образом. План, или плановый наряд, – главный нерв государственного хозяйства. Цель организатора и ученого, разрабатывающего план, – сделать его максимально разумным, соответствующим социальным интересам и природным ресурсам государства. Вектор организационных форм сельскохозяйственных предприятий (размеры и структура) должен составляться из оптимального взаимодействия между техникой, природой и населением. При этом Чаянов часто в своих последних работах 1930 г. напрямую апеллирует к американскому опыту создания крупного агроиндустриального производства, конечно, с учетом и под руководством советского планового хозяйства.[94]

Итак, чаяновский совхоз – это могучий агробиологический и агропромышленный комплекс, встроенный в единое сельское хозяйство страны гибкими мерами стандартизации и унификации технологии, 100 %-ной механизации, искусным районированием. Чаяновские совхозы в 100 тыс. га – ячейки административного деления государства, базисы-оазисы развития культурной и политической жизни села. Безусловно, Чаянов создал лишь эскиз государственного функционирования сельского хозяйства, некоторые важнейшие проблемы (например, механизмы мотивации работников) он вообще не упомянул, не затронул и вопросы организации верхних структур государственного управления. Окончательному оформлению спроектированной системы государственного хозяйства Чаянов отводил 10–15 лет, считая, что в будущем возможно обращение к новым (старым) народнохозяйственным трансформациям.

В более чем полувековой истории существования советского сельского хозяйства мы можем увидеть реализованными многие предсказания чаяновского совхозного плана: цен-

---

[93] *Чаянов А. В.* От классовой крестьянской кооперации к социалистической реконструкции сельского хозяйства // Экономическая жизнь. 1929. № 38.

[94] См.: *Чаянов А. В.* Техническая организация зерновых фабрик // Экономическое обозрение. 1929. № 12. С. 101.

трализованное руководство; мощная механизация; отсутствие существенной разницы (разве лишь в названии) между совхозами и колхозами, их последовательное укрупнение; создание обширного агропромышленного комплекса на основе рационального районирования. Только реализовалась эта система не за 10–15 лет, как предполагал Чаянов, а за 50 лет. Реализовалась с невероятными страданиями и муками, на поверку вышла неуклюжей и неэффективной.

Сам Чаянов в 1930 г. был арестован по обвинению к принадлежности к антиправительственной трудовой крестьянской партии. После пяти лет пребывания в тюрьме он был отправлен в ссылку в Казахстан в Алма-Ату, где пытался работать по специальности.

Реальность колхозного животноводства – «фотография» для выставки

Долгое время считалось, что последние научные работы были написаны Чаяновым в 1929–1930 гг., до его ареста. Реабилитация Чаянова во время перестройки позволила получить доступ к информации о последних годах жизни и деятельности Чаянова в тюрьме и ссылке. Именно тогда выяснилось, что в 1934–1936 гг. у Чаянова была возможность заниматься научно-исследовательской деятельностью в сельскохозяйственных институтах Алма-Аты, а в 1935 г. была опубликована брошюра «Основные вопросы организации колхозного животноводства в Казахстане», написанная Чаяновым. Имени Чаянова как автора в брошюре не указывалось, а вместо этого сообщалось, что брошюра создана бригадой исследователей Казахского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства и публикуется под редакцией заместителя директора института И. С. Нусинова. Имя ссыльного Чаянова невозможно было тогда упомянуть в числе авторов брошюры, хотя и архивы института, и специальное расследование, проведенное казахскими органами внутренних дел в 1937 и 1956 г., однозначно подтверждают, что автором брошюры был именно Чаянов.

История, связанная с брошюрой «Основные вопросы организации колхозного животноводства в Казахстане», абсурдна и трагична. В 1935 г. Советское правительство приняло решению об организации Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, которая должна была воочию продемонстрировать всему миру замечательные достижения только что победившего советского колхозного строя. Каждая область и республика Страны Советов должна была подготовить серию материалов о своих достижениях в области сельского хозяйства. Казахстан также готовил свою специальную выставку, а для аналитических материалов выставки было принято решение подготовить специальное исследование о казахском животноводстве, использующим обширные эмпирические материалы, собранные казахскими исследователями по колхозному животноводству Северного Казахстана в 1934–1935 гг. Написание аналитического текста было поручено Чаянову, как самому квалифицированному специалисту среди ученых Алма-Аты. Чаянов обработал материал и написал текст весной 1935 г. Летом 1935 г. брошюра вышла в свет, а осенью 1935 г. вокруг нее разразился скандал. Брошюру признали вредительской. Ее тираж в 3 тыс. экземпляров изъяли из магазинов и библиотек и почти весь уничтожили.[95]

Заниматься объективно проблемами животноводства в СССР тогда было весьма опасно. Дело в том, что в ходе форсированной коллективизации крестьяне предпочитали скорее уничтожить скот, чем сдавать его в колхоз. А за крестьянской скотиной, что все же оказалась на колхозных фермах, уход был сравнительно хуже, чем это было в единоличных хозяйствах. В результате первая пятилетка по животноводству оказалась катастрофически провалена. Производство животноводческой продукции в 1934 г. по сравнению с 1929 г. сократилось почти на 50 %. Сталин в это время в своих докладах что-то сердито бормотал о том, что вообще по сравнению с полеводством животноводство отсталая (!?) отрасль, а кроме того кулацкие враги народа особенный урон нанесли в первой пятилетке именно животноводству.[96] В 1932–1933 гг. страну вообще постиг чудовищный голод из-за тотального изъятия сельхозпродуктов на нужды индустриализации. Особо голод свирепствовал в традиционно плодородных регионах СССР: на Украине, Юге России, Поволжье, Юге Сибири и в Север-

[95] См.: *Снегин Д.* Четыре ведьмы, или Появление профессора «Ч» в Алма-Атинском сельскохозяйственном институте и его исчезновение // Простор. 1989. № 2. С.24–25.

[96] См.: *Сталин И. В.* Собрание сочинений. Т. 11. С. 113.

ном Казахстане (где как раз в 1934–1935 гг. проводилось исследование, проанализированное в чаяновской брошюре).

Во второй пятилетке, когда в целом СССР покрылся сетью коллективных хозяйств, Сталин в докладе на XVII съезде ВКП(б) особо подчеркнул, что проблема животноводства «является теперь такой же первоочередной проблемой, какой была вчера уже разрешенная с успехом проблема зерновая».[97] Сталинское руководство ожидало стремительного роста колхозной животноводческой продукции. В этой связи и чаяновская брошюра начиналась со стандартного идеологического заявления: «Социалистическое животноводство Казахстана находится на крутом подъеме»,[98] впрочем, несколькими строчками ниже читателя предупреждали, что «темой настоящей работой являются главным образом недочеты и ошибки (наряду с достижениями передовых колхозов)».[99] Далее на протяжении всей книги в целом объективный и добротный чаяновский анализ казахстанского животноводства будет редко, но все же прерываться идеологически необходимыми ссылками на директивы Сталина и партии.

Хотелось бы подчеркнуть, что эта работа удивляет прежде всего объективностью своего социального анализа, невероятного для повседневной советской обстановки 1930-х гг. Эта брошюра не советского апологета и не антисоветского диссидента. Это исследование профессионального аграрника, который стремился насколько возможно беспристрастно и ясно проанализировать состояние североказахстанского колхозного животноводства. Впрочем, по своим размерам, экономическим показателям, организационным формам, природным условиям, в которых они находились, обследованные казахстанские колхозы были типичными для громадной лесостепной территории СССР, простиравшейся от саратовских и самарских степей до предгорий Алтая и Сибири. Чаянов несколько раз в своей брошюре упомянул, что его анализ есть своеобразная фотография советского колхозного животноводства. Рассмотрим эту фотографию подробней.

Чаяновская брошюра состоит из 10 коротких глав. В первой главе дана общая характеристика 27 обследованных колхозов Полуденской машинно-тракторной станции (МТС) Булаевского района Карагандинской области – территории крайне северного Казахстана, граничащего со всех сторон с РСФСР. В этих колхозах, созданных с 1929 по 1934 г., сельское население состояло в основном из казахов и русских, два колхоза состояли преимущественно из немцев. Основные направления колхозной деятельности: яровая пшеница и мясомолочное животноводство.

С первых страниц и на протяжении всей чаяновской брошюры мы обнаруживаем, что новый колхозный строй, созданный во имя тотального равенства, содержит в себе самом разнообразную и значительную социально-экономическую дифференциацию. Так, 8 колхозов обрабатывали площадь меньше чем 500 га, 12 колхозов – площадь от 500 до 1000 га и четыре колхоза обрабатывали площадь более 1000 га.

Еще большая дифференциация обнаруживалась в масштабах животноводства. Крупными считались колхозы, в чьем общественном секторе было более 200 голов крупного рогатого скота, мелкими – менее 20 голов. В среднем на один колхоз приходилось примерно 50 голов крупного рогатого скота. Для организации товарной фермы требуется определенный минимум скота, и в трех колхозах крупного рогатого скота было так мало – от 6 до 12 голов, – что там вообще не имело смысла организовывать специальную МТФ (молочно-товарную ферму).

---

[97] *Сталин И. В.* Собрание сочинений. Т. 11. С. 117.

[98] *Нусинов И. С.* Основные вопросы организации колхозного животноводства в Казахстане. Алма-Ата, 1935. С.4.

[99] Там же. С. 15.

Впечатляющей была и дифференциация в масштабах потерь скота на колхозных фермах. На 1 ноября 1934 г. потери составили:

– по лучшим фермам – 0,3 %;

– по средним фермам – 11,6 %;

– по худшим фермам – 51,4 %.

В среднем падеж всего стада составил 27,6 %.

При этом, замечает Чаянов, в домашних хозяйствах колхозников в среднем падеж составил 8,4 %, т. е. в более чем 3 раза ниже, чем на колхозных фермах. Комментарии самого Чаянова к такой дифференциации между падежом в коллективном и крестьянском животноводстве сводились к следующему: «Подобное положение объясняется скверным техническим оборудованием и полной организационной расхлябанностью указанных МТФ. Мы знаем, что колхозники переносят новорожденного телка в теплую хату, а многие МТФ до сих пор не озаботились созданием теплых родильных помещений… Новорожденные телята на этих фермах часами лежат на холоде и массами гибнут от пневмонии. Сырость подстилки, отсутствие чистого воздуха, неряшливость, халатность… губят телят и в дальнейшие месяцы их роста».[100]

Значительная дифференциация обнаруживалась и в кормовой базе полуденских колхозов.

Территория Северного Казахстана благоприятна для пастбищного животноводства, в среднем потребность в сене по всем полуденским колхозам была удовлетворена. Но за средними цифрами получалась ситуация, в которой у 14 колхозов зимой имелся избыточный запас сена в 27,6 тыс. ц, а 13 колхозов имели дефицит сена в 11,6 тыс. ц.

При этом в большинстве колхозов превалировали простые и грубые корма. О необходимых для современного животноводства силосе, концентратах, корнеплодах, введении кормовых севооборотов полуденские колхозы не мечтали. В результате в колхозах были низкие удои от 900 до 1300 л в год на корову. По мнению Чаянова, у колхозов имелись все необходимые резервы для поднятия удоев по крайней мере до 1500 л и выше, но Чаянов употребляет здесь язык советской партийной критики: «безответственность и бесплановость» господствуют в кормовом хозяйстве полуденских колхозов.

Отдельная часть брошюры посвящена анализу обеспеченности молочно-товарных ферм постройками и инвентарем. Чаянов отмечает, что в Северном Казахстане зимы суровые, температура здесь порой падает ниже -30 градусов, а постройки для скота в большинстве случаев слабо утеплены. Обычными материалами построек являются березовая жердь и земля, потолки почти всегда отсутствуют.

С 1930 г. полуденские колхозы сделали несколько типовых построек для скота, рекомендованных из Москвы по проекту Колхозстроя. Проект оказался крайне неудачным. Он представлял собой одинарную стену из тонких жердей, обмазанных с одной стороны глиной и с цементным полом, без потолка. В зимних условиях Северного Казахстана температура в таком дворе оставалась такой же, что и на открытом воздухе. На холодном цементном полу такого помещения зимой и даже летом происходили массовые простудные заболевания скота, в особенности телят, приводившие к гибели животных в основном от пневмонии.

Еще хуже обстояло дело с оборудованием ферм. Почти ни на одной из ферм не оказалось бидонов в достаточном количестве, а молокомер являлся предметом роскоши. На некоторых фермах его вообще не было. Не было и посуды для пойки телят, а также термометров. Фермы нуждались в бочках, кадках, котлах. Ни на одной ферме не оказалось весов. По мне-

[100] *Нусинов И. С.* Основные вопросы организации колхозного животноводства в Казахстане. Алма-Ата, 1935. С. 20.

нию Чаянова, это все не столько проблема материальных затрат, сколько проблема инициативы и ответственности колхозных животноводов.[101]

Переходя к анализу организации труда и управление фермами, Чаянов подчеркивал, что эта проблема в колхозах наитруднейшая. По мнению Чаянова, в полуденских колхозах организационные формы пока только нащупываются, а в целом колхозы по-прежнему пребывают в состоянии организационного хаоса.

Бригадир животноводческой бригады в колхозе руководит сразу и коровами, и овцами, и свиньями. Уделяя больше внимания той животноводческой отрасли, к которой у него больше знания и склонности, и не уделяя достаточного внимания остальным отраслям.

Но главная организационная проблема в большинстве колхозов – текучесть животноводческих кадров. Во многих колхозах бригадиры животноводческих бригад меняются по несколько раз в год. Им не хватает зоотехнических знаний, их посылают на краткосрочные курсы, но этого недостаточно. Часто организация труда в бригадах не представляет собой единого процесса, а разорвана на отдельные функциональные фрагменты, – и в результате за животное в целом никто не отвечает.

Перед колхозными фермами стоит задача рациональной занятости на одного работника и на основании этого анализ производительности его труда. Но все эти вопросы в полуденских колхозах решаются «на глазок». Есть, конечно, официально рекомендованные нормативы инструкций Наркомзема СССР (на одну колхозную доярку должно приходиться 10–12 коров, а на скотника – 40–50 коров), но эти нормативы расходятся с реальными нагрузками на полуденских фермах. Полуденская женщина-доярка оказывается перегруженной, на нее приходится в среднем 15 коров, и рабочий день составляет около 9–10 час. Нагрузка полуденского мужчины-скотника (в его задачу входит раздача кормов и чистка навоза на ферме) оказывалась ниже общегосударственного норматива – в среднем 38 коров.

В вопросах оплаты труда животноводов преобладает поденщина. Премирование и поощрения почти не применяются. А в целом оплата труда полуденских животноводов оказывается ниже норм, рекомендованных Наркомземом СССР.

Производство молока сильно варьируется от колхоза к колхозу. Достигая максимума в колхозе имени Макса Гельца – 1410 кг в год на одну корову и 450 кг в год – в колхозе «Роте Фане». Но в целом среднегодовой удой молока в полуденских колхозах составлял в 1934 г. 877 кг, чуть ниже среднегодового удоя в местных единоличных хозяйствах. Причины таких низких средних показателей заключались, во-первых, часто в плохом уходе за животными; во-вторых, в значительных сезонных колебаниях в удоях из-за недостатка кормов в зимне-весеннее время, а главное – из-за массового привлечения коров к полевым работ (на коровах пахали землю), из-за недостатка тракторов и лошадей. Например, обследование, проведенное в колхозе имени Калинина, показало, что с 1 февраля по 1 июля коровы, работавшие на посевной кампании, дали среднесуточный удой 3,8 кг, а не работавшие в поле – 7,5 кг. А в целом во всех полуденских колхозах от 50 до 85 % всех коров привлекалось к полевым работам, в это время кривая показателей надоев молока резко снижалась.

По расчетам Чаянова, средний удой полуденских коров при соблюдении элементарных норм содержания и кормления скота в этой природной зоне мог бы достигать 1500–1700 кг, но в колхозной реальности оставался примерно в 2 раза ниже.

Тем не менее, отмечает Чаянов, все фермы выполнили, а некоторые перевыполнили план государственных поставок молока (60 % и выше молока по плану колхозы отдавали государству). Выполнялся план также и по всем остальным направления полуденского животноводства. Вопрос о том, почему при такой низкой организации труда план оказывался выполненным, Чаянов оставил без комментариев.

---

[101] *Нусинов И. С.* Основные вопросы организации колхозного животноводства в Казахстане. Алма-Ата, 1935. С. 31.

По сравнению с молочным направлением овцеводство и свиноводство являлись второстепенными направлениями животноводства в полуденских колхозах. Но и здесь наблюдались сходные недостатки, связанные с низким стимулированием труда колхозников и слабой организацией труда на фермах. Вообще среди всех 27 колхозов за весь 1934 г. в животноводстве была выдана всего одна премия в размере 15 руб. (примерно 2 долл. США).

В целом, исследуя вопрос: насколько доходным является животноводство в структуре доходов полуденских колхозов, Чаянов отмечал: «Животноводство в общем балансе трудовых затрат колхозов занимает сравнительно небольшое место. А вот в структуре колхозных доходов доля животноводства значительно выше…».[102]

В связи с этим Чаянов считал, что одним из перспективных направлений развития полуденских колхозов могло бы стать такое развитие колхозного животноводства, которое находило бы оптимальный баланс сочетания колхозных доходов от животноводства с производством животноводческой продукции в личных подворьях колхозниках, и тем самым выполнялось бы указание Сталина сделать всех колхозников зажиточными во второй пятилетке.

Анализ Чаянова выявил многие базисные противоречия не только животноводства полуденских колхозов, но и колхозной системы в целом: специфическая социально-экономическая дифференциация, скрываемая за массовыми усреднением и уравниловкой, низкая трудовая мотивация и бестолковая организация труда – все эти проблемы будут преследовать советский колхозный строй до конца его существования.

В так называемой чаяновской «фотографии» полуденских колхозов оказались запечатленными все характерные гримасы победоносной убогости сталинского колхозного строя. И не удивительно, что власть пришла в негодование от предложенной «фотографии» для выставки советских аграрных достижений, за это ее творца ожидали фатальные неприятности.

[102] *Нусинов И. С.* Основные вопросы организации колхозного животноводства в Казахстане. Алма-Ата, 1935. С. 34.

В ссылке: жизнь, работа и гибель

Ссылка по отношению к своим политическим противникам широко практиковалась как царской, так и советской властью. В свое время в царской ссылке находились и Ленин, и Сталин. В 1920–1930 гг. Сталин любил высылать именно крупных партийных и научных деятелей в Центральную Азию. Например, в конце 1920-х туда был сослан сам Троцкий. На протяжении всех 1930-х гг. характер сталинской ссылки ужесточался. От ссыльного требовали образцового поведения советского гражданина, окружая его тайным полицейским наблюдением и публичным напоминанием его политической вины.

Местная власть, определяя свое отношение к знаменитому ссыльному, часто оказывалась в затруднительном положении.

С одной стороны, местной власти льстило пребывание в ее краях такого знаменитого человека, кроме того, сама власть могла испытывать по отношению к нему даже личное сочувствие (из гуманных соображений или из фронды по отношению к Москве); местная власть также искала пути органичного включения ссыльного в местную жизнь, часто ожидая получить от него реальную профессиональную помощь, если ссыльный был крупным специалистом в своей сфере деятельности.

С другой стороны, периферийная власть должна была оптимально выполнять волю столицы по отношению к ссыльному, а потому местная власть стремилась всячески предугадать и разузнать отношение Москвы к своему политическому противнику. Вдруг завтра Москва прикажет резко ужесточить меры содержания ссыльного вплоть до требования его ликвидации (такое часто бывало) или, наоборот, что было редко, прикажет вернуть ссыльного в центр, внезапно забыв прошлое и приглашая бывшего ссыльного к широкому сотрудничеству с новыми перспективами.

Ну и, в конце концов, и в Москве и в Алма-Ате не существовало тотальной центральной власти, власть состояла из конкретных живых людей, которые проявляли по отношению к ссыльному свою личную позицию, тем самым лично облегчая или ужесточая жизнь ссыльному. А кроме того, в ссылке существовало и мнении общества по отношению к ссыльному. Партия и ее тайная полиция всячески стремились контролировать это общественное мнение, но этого никогда не удавалось достичь на все 100 %.

И самое главное, существует ведь и личный мир самого ссыльного, его собственная воля, его замыслы и желания. Личность ссыльного вступает в повседневный контакт с окружающим ее миром ссылки, и результаты этого контакта также могут быть переменчивы и непредсказуемы.

Как мы увидим, личные и бюрократические, гуманитарные и полицейские, алма-атинские и московские чаши весов судьбы Чаянова будут неоднократно драматически колебаться, и все же эта персональная кафкианско-азиатская история завершится типично общесоюзным сталинским процессом.

Чаянов прибыл под конвоем ОГПУ в Алма-Ату в июле 1934 г. В местной комендатуре ОГПУ ему объяснили правила режима для ссыльного: один раз в неделю отмечаться, за пределы города не отлучаться, немедленно найти работу и жилплощадь.

В самом первом письме из Алма-Аты, адресованном матери, Чаянов так описывал свои первые впечатления от местной жизни:

«6 июля 1934 г.

Алма-Ата, что по-русски значит "отец яблок", был до революции захолустным уездным городом «Верный». Четыре года назад он стал столицей Казахстана, начал обустраиваться и очень вырос. Сейчас в нем 150 тыс. жителей, однако, по случаю частых землетрясений, все дома маленькие и одноэтажные, он занимает огромную площадь. Его длинные широкие

улицы все обсажены пирамидальными тополями и обводнены арыками, – словом, не город, а парк. Главную красоту составляет примыкающий к городу горный хребет со снежными вершинами…

Много магазинов, много газетных киосков, в которых, увы, совершенно нет московских газет, только местные, а еще больше киосков с мороженым и квасом… Заходил в городскую столовую, и за большой кусок хлеба и тарелку манной каши взяли с меня один рубль. Думаю питаться в этой столовой и дальше. Завтра пойду в здешние научные учреждения искать работу… очень взвинчены нервы – от массы новых, давно забытых впечатлений свободной жизни».[103]

Чаянов начал искать работу с посещения Наркомата (министерства) земледелия Казахстана. К своему удивлению, он был принят самим наркомом (министром) Сыргабековым весьма благожелательно. Нарком предложил Чаянову стать его личным научным консультантом, а также заняться научной работой в Научно-исследовательском институте социалистического земледелия и преподавательской деятельностью в Сельскохозяйственном институте.

Первые два месяца до начала учебного года, который в советских вузах начинался 1 сентября, Чаянов вживался в ритм и быт своей новой алма-атинской жизни. В своем письме матери от 21 июля 1934 г. Чаянов сообщал:

«Получил в студенческом общежитии сельхозинститута огромную комнату в три окна (на запад), прохладную, светлую, снабженную мебелью, получил также абонементы в столовую секцию научных работников на обеды, подписал договор с наркоматом земледелия на первую работу… Вчера в выходной день ездили на автобусе в горы… – очень высокие отроги Тянь-Шаня. Алма-Атинский пик свыше 4200 м, т. е. выше, чем Юнгфрау в Германии… завтракали на берегу горной речки и лежали на солнышке, на камнях».[104]

20 августа 1934 г. Чаянов сделал свой первый доклад в Институте сельского хозяйства «О систематическом отборе материалов по организационно-техническим показателям в совхозах и колхозах». Доклад имел полный успех. Как записал в своем дневнике один из казахских коллег о чаяновском выступлении: «Он поставил задачи изучения не просто массовых статистических материалов, а конкретных живых хозяйственных организмов совхозов и колхозов, наметив длительный план работы в опорных пунктах… Доклад произвел прекрасное впечатление блестящим построением, отличными ораторскими приемами, чисто профессорской системой и законченностью речи».[105]

Буквально в течение месяца Чаянов с головой втянулся в напряженную текучку советских научно-административных будней 1930-х гг.

27 августа 1934 г. в своем письме к жене он сообщал:

«На днях начал писать подробный план топографических описаний совхозов. Не успел его завершить, как за мной приехала машина из института. Проездил там по поводу какого-то плана и опять на машине отправлен домой. Но в час снова был в директорате по поводу разработки пятилетнего плана работы института… обедал в обкомовской столовой… в четыре ко мне пришли помощники для переезда в кабинет, и я до шести переезжал, измотавшись вдребезги… Затем снова за мной машина – участвовать в заседании по поводу МТС (машинно-тракторных станций)… И был отвезен в 12 час. ночи домой. Едва дотащился до постели…».[106]

---

[103] *Чаянов А. В.* Избранное: Статьи о Москве. Письма (1909–1936). М.: Издательский дом ТОНЧУ, 2008. С. 227–228.

[104] *Чаянов А. В.* Избранное: Статьи о Москве. Письма (1909–1936). М.: Издательский дом ТОНЧУ, 2008. С.233.

[105] *Снегин Д.* Четыре ведьмы, или Появление профессора «Ч» в Алма-Атинском сельскохозяйственном институте и его исчезновение // Простор. 1989. № 2. С. 244.

[106] *Чаянов А. В.* Избранное: Статьи о Москве. Письма (1909–1936). М.: Издательский дом ТОНЧУ, 2008. С. 245.

Насколько нравилась Чаянову его новая научная деятельность в Алма-Ате? У него не было свободы выбора, ему предстояло с готовностью и полной отдачей браться за любое направление научной деятельности, которое ему поручили, чтобы обрести твердые позиции в Алма-Ате и в перспективе искать возможность возвращения в Москву. Свое внутреннее психологическое состояние он довольно откровенно описал в письме к тестю от 29 августа 1934 г.:

«Только сейчас в последние дни второго месяца своего пребывания в Алма-Ате я начинаю приходить в себя… я начинаю думать и рассматривать окружающий мир, а он прекрасен. Прямо передо мной огромный букет астр и зеленый египетский натуральный Озирис, найденный мной в городе. За ним огромное венецианское окно, сквозь которое видны верхушки деревьев и над ними снежные вершины… Больше всего я люблю сидеть за столом и, надолго отрываясь от дел, смотреть на изломавшуюся линию гор… просто смотреть, ни о чем не думая… Особенно хорошо просыпаться утром, комната полна света, за окном шумят арыки…

Город сейчас завален яблоками, дынями, арбузами, початками кукурузы и являет собой растительную часть рубенсовской вакханалии изобилия. Ни о чем не хочется думать. Казалось бы целыми днями лениво смотрел бы на качающиеся перед окнами ветви тополей, думал бы о ребятах и Ольгушке (два сына и жена Чаянова. – *А. Н.)*. Но, увы, приходится работать и бегать, зарабатывая себе место в новой жизни в Алма-Ате… Выполненные мною в начале августа две работы для наркомзема имели здесь крупный успех. Этот успех укрепил мое положение, но, увы, также увеличил и рабочую нагрузку. Лекции начинаю 1 сентября курсом вариационной статистики…».[107]

Действительно с началом педагогической деятельности занятость Чаянова возросла еще значительней, в том числе в общественной деятельности. Студентам нравились занятия у Чаянова. Хотя вариационная статистика не самый увлекательный предмет, а по математике в середине 1930-х гг. алма-атинские студенты были подготовлены недостаточно, и, как с досадой отмечал сам Чаянов, большинство из них даже не умело брать логарифмы, все же статистику и математические вычисления Чаянов излагал студентам доходчиво и увлекательно. И главное, он принял самое живое участие в студенческой театральной жизни. С участием Чаянова как консультанта-режиссера было поставлено с успехом несколько студенческих театральных пьес. Несколько студентов стали более-менее регулярно бывать в гостях в комнате Чаянова, обсуждая с профессором вопросы живописи, литературы и искусства. В скором времени Чаянову из Москвы родственники прислали собрание западноевропейских гравюр, коллекционирование которых было одним из любимых хобби Чаянова.[108] И Чаянов объяснял за чаем алма-атинским студентам особенности искусства старинной западноевропейской гравюры.

Все же главным интеллектуальным направлением для Чаянова оставались не педагогика и искусствоведение, а научно-исследовательская деятельность. Дирекция института, в котором он работал, относилась к нему с уважением, поручая все более ответственные и многочисленные научные задачи. Так, в приказе по учебному отделу КазСХИ за ноябрь 1934 г. говорится:

> «На А. В. Чаянова помимо руководства научно-исследовательской работой кафедр института возлагается:
>
> а) организация книгообмена института и периодических книжных выставок библиотеки;

[107] Там же. С. 242.

[108] Самим Чаяновым была написана и опубликована даже специальная брошюра о гравюрах: *Чаянов А. В.* Старая западная гравюра: Краткое руководство для музейной работы. М., 1926.

b) научно-литературная редакция трудов института;

c) научно-исследовательские работы по сельскохозяйственному транспорту;

d) консультации по дипломным работам института.

Директор СХИ Чурин».[109]

Параллельно работая в НИИ социалистического земледелия, у Чаянова сложились особо дружеские отношения с заместителем директора этого института И. С. Нусиновым, с которым Чаянов познакомился в 1920-е гг. в Москве. Нусинов, аграрник и профессиональный партработник, был сослан в Алма-Ату и исключен из партии как правый уклонист, член команды Бухарина, противостоявшей сталинскому курсу на форсированную коллективизацию.

Популярность Чаянова и в научно-административных, и в студенческо-профессорских кругах неуклонно росла, о чем бдительно и регулярно сообщало алма-атинское НКВД в Москву, запрашивая из столицы указаний относительно Чаянова. Москва отвечала в том смысле, что, безусловно, следует ограничивать и жестко контролировать любую самостоятельную деятельность Чаянова: научную, педагогическую, общественную.

Весной 1935 г. в казахском сельскохозяйственном институте состоялось торжественное собрание, посвященное 50-летнему юбилею главного советского почвоведа, московского профессора Вильямса. Чаянов, лично хорошо знавший Вильямса, выступил в большой аудитории с увлекательными воспоминаниями о нем. Собрание студентов, профессоров, партработников в ответ отблагодарило его искренними аплодисментами. Немедленно вслед за этим в центральной казахской газете «Казахстанская правда» № 9019 апреля 1935 г. была опубликована статья «Врагу предоставили трибуну», в которой заявлялось:

«Руководители сельскохозяйственного института услужливо предоставили трибуну небезызвестному профессору Чаянову, заклятому врагу колхозов, еще недавно в своих трудах проповедовавшему кулацкий социализм, одному из идеологов контрреволюционной "трудовой крестьянской партии", связанной с интервентами… Некоторые члены партии, присутствовавшие на заседании, наградили Чаянова аплодисментами… Это собрание показало, как настоятельно назрела в институте необходимость коренной перестройки всей партийной работы… усиления подготовки к чистке…».[110]

Далее через эту газету против Чаянова целенаправленно публиковались угрожающие тексты. Например, статья «Чаяновские гости» в «Казахстанской правде» № 92 от 21 апреля 1935 г. содержала упоминание фамилий студентов и партработников, поддерживавших особо тесные отношения с Чаяновым. В статье указывалась опасность частых и продолжительных бесед с контрреволюционером Чаяновым, коммунистов и комсомольцев призывали к бдительности.

Причины такого свирепого публичного контроля за Чаяновым заключались в том, что подходил к концу срок его ссылки. В Москве и Алма-Ате высокопоставленные безымянные чиновники в традициях романов Кафки и идеологии Сталина решали судьбу Чаянова: что с ним делать дальше? Казахский НКВД запрашивал НКВД СССР, после соответствующего ответа из Москвы последовало официальное заключение НКВД КазАССР от 16 июня 1935 г.: «Имеющиеся материалы дают основание полагать, что идеологически Чаянов не разору-

---

[109] Снегин Д. Четыре ведьмы, или Появление профессора «Ч» в Алма-Атинском сельскохозяйственном институте и его исчезновение // Простор. 1989. № 2. С. 247.

[110] *Снегин Д.* Четыре ведьмы, или Появление профессора «Ч» в Алма-Атинском сельскохозяйственном институте и его исчезновение // Простор. 1989. № 2. С. 248.

жился, а приспосабливается к новой обстановке в стране… Чаянову Александру Васильевичу, отбывающему ссылку в Алма-Ате, продлить срок ссылки еще на три года».[111]

Чаянов не был особо удивлен этим решением, он достаточно хорошо знал своих противников, его больше встревожила публичная идеологическая агрессивность, которая стала возрастать вокруг его имени. Чаянову запретили любое преподавание студентам. Многие люди, прежде с Чаяновым поддерживавшие отношения, теперь старались избегать с ним любых контактов. В целом продление ссылки Чаянова послужило для окружающих сигналом серьезной опасности иметь хоть какие-то дела с опальным профессором.

Впрочем, руководители алма-атинской академической аграрной элиты по-прежнему старались подержать Чаянова. В конце концов им были достаточно необходимы его талант и профессионализм в развитии казахской сельскохозяйственной науки. Так, Чаянова привлекли к активному участию в подготовке Казахстана к первой Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, которая должна была состояться осенью 1935 г. в Москве и продемонстрировать замечательные успехи нового колхозного строя. Все области и республики СССР, стремясь скрыть свой провинциализм, старались продемонстрировать на выставке всесоюзный уровень своих экономических и научных достижений. Инициатива Чаянова написать аналитическую брошюру о казахском колхозном животноводстве, использующую богатые полевые эмпирические данные Северного Казахстана, была всячески поддержана. И Чаянов фактически в одиночку написал эту брошюру летом 1935 г., естественно по идеологически цензурным соображениям имя настоящего автора в брошюре никак не упоминалось.[112]

Чаянов также много работал и как реальный оформитель павильона Казахстана для Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, которая изначально открывалась в Алма-Ате, а потом перевозилась в Москву. В письме к жене от 28 октября 1935 г. Чаянов с горьким юмором описывает работу над казахским выставочным павильоном холодной осенью 1935 г.:

«Простудился в холодном выставочном павильоне и не имел возможности бросить работу. Работал с температурой 39 и 6 десятых градуса. Все время на сквозняке, делал переезд на выставку и обратно на грузовике под дождем… К моменту открытия выставки мы были готовы на все 100 процентов. Вернувшись домой, я свалился, не раздеваясь, на кушетку и проспал 17 часов. Итог можешь себе представить – я осунулся и постарел. Хуже всего то, что у меня дома не ремонтировалась печь, а поэтому холодно и сыро, как на улице. Я сморкаюсь в полотенце и кашляю, сознаю, что это все немыслимая эксплуатация, но в то же время для меня ясно, что без меня было бы почти невозможно достичь того эффекта, который получился сейчас… Наш огромный павильон не имеет ни одной капли провинциализма и смело может быть выставлен в Москве. Хотя, по-видимому, для меня это сизифов труд…».[113]

Как оказалось, это действительно был сизифов труд. Чаянова за его вклад в подготовку выставки никак не отблагодарили, наоборот, вскоре последовало тяжелое наказание, имевшее во многом фатальные последствия. Вокруг брошюры о казахском животноводстве развернулся злобный скандал. Критики Чаянова утверждали, что в брошюре слишком много написано о недостатках казахского колхозного животноводства и слишком мало о его достоинствах. Все та же «Казахстанская правда» опубликовала в конце ноября 1935 г. рецензию на брошюру «Вредная книжка о колхозных фермах»,[114] в которой подвергла чудовищной ругани чаяновский труд.

---

[111] *Снегин Д.* Четыре ведьмы, или Появление профессора «Ч» в Алма-Атинском сельскохозяйственном институте и его исчезновение // Простор. 1989. № 2. С. 250.

[112] См.: *Нусинов И. С.* Основные вопросы организации колхозного животноводства в Казахстане. Алма-Ата, 1935.

[113] *Чаянов А. В.* Избранное: Статьи о Москве. Письма (1909–1936). М.: Издательский дом ТОНЧУ, 2008.

[114] См.: Вредная книжка о колхозных фермах // Казахстанская правда. 1935. 29 ноября.

Итак, за крамольную брошюру, с точки зрения партийного начальства, Чаянов был уволен из Казахского института экономики сельского хозяйства без объяснения причин. Руководство этого института, до сих пор патронировавшее Чаянова, теперь никак не могло его защитить из-за нараставшего античаяновского идеологического давления. Перед Чаяновым возникла реальная угроза окончательной потери какой-либо работы и жилья. В этих условиях Чаянов написал специальное заявление в НКВД КазАССР, высказывая несогласие с увольнением, и приложил перечень работы, проделанной за это время в институте.

Казахский НКВД просто проигнорировал заявление Чаянова, ничего не ответив ему. Только продолжавшаяся личная поддержка наркома земледелия Казахстана, который, несмотря на угрожающую критику, все же оставил Чаянова своим личным консультантом, стабилизировала в то время ситуацию. В начале 1936 г. Чаянов занимался в наркомате земледелия вопросами планировании казахстанского сельского хозяйства, а также исследованием экономики тракторов и транспорта. Чаянов по-прежнему стремился в упорной работе преодолевать время этой нервной ссылки, ему даже стало казаться, что обстановка вокруг него начинает меняться к лучшему. 25 января 1936 г. в своем письме к жене он сообщал:

«Работаю я сейчас поистине по-стахановски. 250 печатных страниц за 2 месяца – это в общем-то много. А сегодня мне пришлось вообще побить все рекорды и по срочному заказу НКЗ в один день, правда, с двумя помощниками, написать 35 страниц текста о работе тракторного парка… Епитимия, наложенная на мой дом, постепенно снимается и ко мне, правда, по делам, начинают заглядывать люди. Знакомые профессора из сельскохозяйственного института перестали переходить на другую сторону улицы при встрече со мной. Все это бытовые мелочи, но ты представить себе не можешь, как угнетал меня этот ни на чем не основанный остракизм из человеческого общества».[115]

Впрочем, эти строчки, кажется, последние более-менее оптимистичные сведения, которые дошли до нас от Чаянова. Последующие чаяновские письма за 1936 г. исчезли, в 1937 г. он был арестован. О том, что происходило с Чаяновым в Алма-Ате в последние полтора года его жизни, нам почти ничего не известно. Наступавший 1936 г. был преддверием великих сталинских чисток 1937 г. Повседневная обстановка повсюду в СССР принимала все более угрожающе тревожный характер. Так, уже к концу 1936 – началу 1937 г. оказались арестованными некоторые коллеги и начальники Чаянова, которые оказывали ему в Алма-Ате посильную поддержку. Вскоре все они будут расстреляны, в том числе нарком земледелия Сыргабеков и заместитель директора НИИ Казахского сельского хозяйства Нусинов. Среди многочисленных обвинений им будет указано на связь с контрреволюционером Чаяновым.

Сам Чаянов к концу 1936 г. окончательно потерял работу и жилье, влача полуголодное, полунищенское существование. В конце 1936 г. один из студентов казахского сельскохозяйственного института Е. Д. Эйгинсон, занимавшийся раньше в чаяновском драматическом кружке, случайно встретил Чаянова неподалеку от алма-атинской тюрьмы, где его некоторое время держали для допросов. По воспоминаниям Эйгинсона, Чаянов «оброс бородой, одет был в рваную фуфайку. Подошвы его ботинок были обмотаны проволокой».[116]

17 марта 1937 г. Чаянов был арестован в последний раз. В течение трех недель на протяжении многочисленных, в том числе ночных, допросов он упорно отрицал все выдвинутые против него обвинения, но далее прекратил сопротивление и был вынужден признать свою саботажную работу по самым разнообразным направлениям.

Самым страшным, автоматически означавшим смертную казнь, являлось признание в шпионаже в пользу Великобритании. В обвинении отмечалось, что Чаянов был завербо-

---

[115] *Чаянов А. В.* Избранное: Статьи о Москве. Письма (1909–1936). М.: Издательский дом ТОНЧУ, 2008. С. 269–270.

[116] *Снегин Д.* Последние дни профессора Чаянова // Простор. 1991. № 2. С.257.

ван еще во второй половине 1920-х гг. влиятельным британским экономистом Джорджем Мейнардом Кейнсом (Чаянов действительно лично познакомился с Кейнсом, посещавшим Москву в середине 1920-х гг.). Следствие утверждало, что из Казахстана Чаянов передавал Кейнсу стратегические сведения о запасах зерна и шерсти в СССР.

Александр Васильевич Чаянов был расстрелян во дворе алма-атинской тюрьмы 3 октября 1937 г.

Советские аграрники 1920-х: от Германии к Америке

С момента своего возникновения Советская Россия стремилась представлять собой социалистическое государство, при этом всем была очевидна значительная экономическая отсталость Советской страны в сравнении с западными капиталистическими странами. Это само по себе противоречило пониманию социализма как более прогрессивного, успешного, конкурентного экономического строя по сравнению с капитализмом.

Октябрьская революция произошла в громадной крестьянской стране, действительно нуждавшейся в современном экономическом, технологическом и культурном развитии. В этих условиях большевистское руководство предприняло комплекс изобретательных и энергичных до жестокости мер по стимулированию аграрного развития СССР.

Особо надо отметить, что на первоначальном этапе своего существования (до 1930-х гг.) Советское государство открыто признавало огромные масштабы советской сельской отсталости, прислушиваясь к мнению российских экономистов – экспертов в области международного аграрного развития, поддерживая исследования аграрного опыта передовых западных стран (прежде всего Германии и США) для его адаптации к условиям советской экономики.

В данной статье мы рассмотрим основные направления советской международной аграрно-экономической идеологии и ряд исследований советских аграрников Н. М. Тулайкова (1875–1938), Н. П. Макарова (1887–1980) и Г. А. Студенского (1898–1930), связанных с изучением западного (германского и в особенности американского) аграрного опыта в целях модернизации советской сельской экономики времен НЭПа.

Поиски международных аграрных ориентиров: между Германией и Америкой 1910–1920-х годов

После победы Октябрьской революции большевистское руководство в своих планах глобальной социалистической модернизации России стремилось учесть новейшие достижения технико-экономического прогресса капиталистического мира прежде всего двух ведущих мировых капиталистических держав. В Старом Свете это была Германия, в Новом – США.

Традиционно в предшествующие десятилетия революции русская социально-экономическая и инженерно-техническая мысль была связана прежде всего и теснее всего с германским интеллектуальным опытом. Немецкий язык, немецкое образование, немецкая культура и экономика были гораздо распространенней в России по сравнению с культурными образцами и практиками иных стран.

Обращаясь к сельскому хозяйству предреволюционной России, мы обнаруживаем в нем первенство немцев – управляющих сельскохозяйственными имениями по сравнению с остальными управляющими – европейцами (датчанами и англичанами, например). Со времен XIX в. так называемая немецкая система ведения хозяйства была исторически больше распространена среди русских владельцев поместий, чем английская.

Сама система преподавания аграрно-экономических дисциплин в российских университетах во многом представляла собой германские университетские аналоги с поправкой на природно-культурные особенности России. Учебники по аграрной экономии ведущих российских профессоров-теоретиков Людоговского, Скворцова, Стебута написаны, безусловно, под прямым влиянием германской науки *Betribchlere,* ведь авторы этих учебников, как правило, или лично стажировались в германских университетах, или писали свои учебники в согласии или полемике с германскими аграрно-экономическими курсами Крафта, Гольца, Эребо.[117]

Знаменитая земская сельскохозяйственная статистика в ее теоретических основаниях безусловно и прежде всего связана с традицией немецкой статистики Лексиса, Рюмелина и Майра.[118]

Русские сельскохозяйственные кооперативы скрупулезно учитывали опыт развития своих старших собратьев – «детей» пророка сельскохозяйственной кредитной кооперации немца Райффайзена.

Наконец, русская радикальная социалистическая аграрная мысль также прежде всего черпала аналитическое вдохновенье и теоретическую аргументацию из аграрных сочинений великих германских социалистов – К. Маркса и К. Каутского.

В первые годы после революции казалось, что германское технократическое влияние на радикальные экономические реформы в крестьянской России еще более увеличивается. Ленинские Совнарком и ВСНХ с воодушевлением изучают и перенимают опыт тотального государственного планирования, развитого в Германии в период мировой войны под руководством Вальтера Ратенау. Громадным успехом в революционной России пользуются футу-

---

[117] См.: *Людоговский А. П.* Основы сельскохозяйственной экономии и сельскохозяйственного счетоводства. Опыт руководства для практических хозяев, земледельческих и реальных училищ и в пособие при занятиях студентов высших учебных заведений. СПб., 1875; *Скворцов А. И.* Курс экономики земледелия. Харьков, 1898; *Стебут И. А.* Избранные сочинения: в 2 т. М., 1956–1957; *Krafft G.* Die Betriebslehre. Berlin, 1878; *Goltz K.* Handbuch d. landw. Betriebslehre. Leipzig, 1886; *Аэребоэ Ф.* Основы сельскохозяйственной экономии / пер. с нем.; под ред. Б. Д. Бруцкуса. СПб., 1912.

[118] См.: *Чаянов А. В.* О бюджетных исследованиях. М.: Издательский дом ТОНЧУ, 2006. С. 7–23.

ристические проекты берлинского профессора Карла Баллода всеобщей плановой электрификации современного индустриального хозяйства.[119]

В сельском хозяйстве России уже в годы Гражданской войны по проектам известных большевиков Ларина и Милютина создаются совхозы – крупные государственные предприятия, копирующие организацию индустриальных фабрик германского образца.[120] В 1920 г. были приняты кульминационные планы тотального землеустройства и электрификации. По этим планам через аппарат всеобщей трудовой повинности, курировавшийся Троцким, крестьян сгоняли на трудовые фронты коммунистических строек. Непосредственно для тотальных внутридеревенских преобразований принимается план «Великой кампании» другого видного большевика, Осинского.[121] В рамках этой кампании до крестьян доводился мобилизационный план обязательного засева полей с указанием размера площадей и пропорций культур; крестьяне получали сверху приказания не только о том, чего и сколько сеять, но и как сеять. Впрочем, все эти тотальные и часто кроваво-насильственные мероприятия не принесли желаемого эффекта повышения производительности аграрного труда и сельского изобилия, наоборот, к концу Гражданской войны в Советской России произошел страшный голод, ознаменовавший тупик экономики военного коммунизма и переход к новой экономической политике.

В это же время – в конце Гражданской войны – крупнейший российский аграрник Александр Васильевич Чаянов пишет футурологическую повесть «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии».[122] В иронично сочувствующей форме он ставит вопрос о специфически крестьянском пути развития России среди нескольких возможных путей экономической эволюции стран мира, где особо выделяются германский совхозно-совнархозный путь и американский – фермерский. Ирония германо-российских противоречий в утопической России 1984 года – времени действия книги – заключается в драме главного героя книги, который из большевистских руководителей России 1919 года загадочным образом вопреки собственной воле перенесся в Россию 1984 года и там из осторожности назвался американским путешественником. В финале книги, во время начала очередной войны между Россией и Германией, главного героя, выдававшего себя за американца, арестовывают в Москве как германского шпиона. В этой фантастической личной судьбе героя книги заключался во многом пророческий смысл судьбы русского интеллектуала-аграрника революционной эпохи, пытавшегося определиться со своим мировоззрением в контексте мирового аграрного развития, где тон задавали Германия и Америка.

Да, Америка к началу XX в. стремительно превращалась в аграрную сверхдержаву. Неважно, что в ту пору интенсивность сельскохозяйственного производства в Америке была ниже европейской (немецкой, датской, французской, английской). Америка, как и большинство стран Нового Света (Канада, Аргентина, Австралия), брала свое обилием полуцелинных, слабозаселенных земель, эффективно обрабатывавшихся свободным фермерским трудом. Впрочем, в отличие от сходных с ней по природно-демографическим особенностям вышеперечисленных стран, у Америки было серьезное качественное превосходство над ними по масштабам развития сельскохозяйственной науки и начинавшейся аграрной индустриализации. Из русских специалистов на эту особенность США обратил внимание крупнейший дореволюционный российский аграрный эксперт по США, почвовед, профессор Н. М. Тулайков. По результатам своего полуторагодового исследовательского путешествия по

---

[119] См.: *Баллод К.* Государство будущего /пер. со 2-го изд. А. И. Рубина. М., 1920.

[120] См.: *Фигуровская Н. К.* Аграрные проблемы в советской экономической литературе 1920-х годов. М., 1978. С.34–51.

[121] См.: *Осинский В.* Государственное регулирование крестьянского хозяйства. М., 1920.

[122] См.: *Чаянов А. В.* Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии // Архитектура и строительство Москвы. М., 1988.

Северной Америке он опубликовал в Москве целую монографию «Очерки по сельскому хозяйству в Соединенных Штатах» (1912).[123]

А. В. Чаянов и Н. М. Тулайков представляли собой респектабельную академическую традицию аграрной мысли России в то время благодаря свободному знанию языков и тесным контактам с зарубежными аграрниками, имевшими возможность быть в курсе новейших социально-экономических аграрных течений Старого и Нового Света.[124]

Радикальный взгляд на роль и значение Америки в прогрессе сельского хозяйства, также высказанный еще до революции, во многом принадлежит В. И. Ленину, сформулировавшему знаменитое фундаментальное различение эволюции капитализма в земледелии по так называемому прусскому и американскому пути.[125]

Прусский путь эволюции – медленный прогресс сельского хозяйства с постепенным изжитием феодальных пережитков, поляризующий село на помещиков и кулаков, с одной стороны, и массовое батрачество – с другой.

Американский путь – стремительный прогресс сельского хозяйства за счет демократического капиталистического развития семейных крестьянских хозяйств, поляризующихся на крупных и мелких фермеров.

По Ленину, вообще после отмены крепостного права и в особенности при столыпинских реформах Россия развивалась по прусскому пути. Впрочем, при этом отмечалось, что в такой громадной стране, как Россия, на ее южных и юго-восточных окраинах, исторически не успевших подпасть под крепостное право, также возможно наблюдать интенсивное развитие свободных семейных хозяйств – прообразов фермеров американского пути.

С начала 1920-х гг. после великих испытаний и потрясений гражданской войны ученым-аграрникам России под контролем большевистской партии предстояло искать рецепты преодоления отсталости и устойчивого развития своей, в то время по преимуществу сельскохозяйственной, страны.

И здесь надо подчеркнуть, что с точки зрения внешних политико-экономических и аграрных ориентиров в аграрной сфере России 1920-х гг. происходит неуклонный рост в изучении и применении американского интеллектуального опыта в сравнении с германским.

Тому было несколько причин.

Во-первых, большевистское правительств, руководствуясь формально прогрессистскими критериями развития, полагало, что за образец аграрно-индустриального развития надо брать самую передовую капиталистическую страну, в которую в то время безусловно превратилась Америка.

Во-вторых, и с точки зрения формально географических критериев размера страны и ее населения, пожалуй, лишь США были более-менее сопоставимы с Советской Россией. Остальные капиталистические страны Старого и Нового Света, конечно, так или иначе значительно уступали Америке и России кто по площади, кто по численности, а большинство из них и по обоим этим признакам сразу.

В-третьих, у руководителей послереволюционной России был очень велик соблазн начать строить и создавать все заново, с чистого листа на дремучих и диких, как американская прерия, российских просторах, где институты цивилизации и культуры были основательно разрушены семилетьем войн и революций.

В-четвертых, у большевистских идеологов, пожалуй, имелись серьезные поводы для разочарования в германских политико-экономических рецептах. И дело не только в том,

---

[123] См.: *Тулайков Н. М.* Очерки по сельскому хозяйству в Соединенных Штатах. М., 1912.

[124] Здесь, безусловно, надо также упомянуть имена профессоров Л. Н. Литошенко и Н. Д. Кондратьева, являвшихся крупными экспертами в области международного и американского сельского хозяйства.

[125] См.: *Ленин В. И.* Аграрная программа социал-демократии в Первой русской революции 1905–1907 годов//Соч. Т.13. С. 212–216.

что идеи Ратенау и Баллода не дали ожидавшегося всепобеждающего эффекта в российской экономике военного коммунизма. Сама Германия в первой половине 1920-х гг. разочаровала большевистское руководство своей неспособностью свершить социалистическую революцию. Именно из-за этого, казалось, и был провален хрестоматийный большевистско-коминтерновский проект развития мировой революции, по которому Россия считалась изначальным звеном в цепи мировой социалистической революции, а Германия – звеном самым решающим. Чему теперь можно было научиться у проигравшей войну Германии, экономически зависевшей от контроля ее империалистических победителей, а идеологически в сельском хозяйстве, как казалось, находившейся под воздействием все того же пресловутого прусского пути, да оппортунистических сочинений по аграрному вопросу «ренегата» Каутского. Несмотря на то что старая дореволюционная русская профессура все 1920-е гг. по-прежнему поддерживала самые тесные и плодотворные научные связи со своими коллегами – профессорами Германии, советское большевистское руководство настойчиво искало контакты прежде всего с американской аграрной мыслью и техникой.

Впрочем, надо сказать, что интеллектуально-организационное взаимодействие между странами процесс неодносторонний. В следующей статье мы рассмотрим, насколько активно американские аграрники участвовали в постижении советского сельского хозяйства 1920-х – начала 1930-х гг. А в этой статье обратимся к мнению некоторых советских аграрных экспертов о потенциале американского сельского хозяйства, возможностях применения американского аграрного опыта для советского развития.

Н. М. Тулайков: популяризация достижений американского сельского хозяйства

После революции профессор Н. М. Тулайков оставался по-прежнему крупнейшим отечественным экспертом по сельскому хозяйству США. В 1920-е гг. он неоднократно бывал в командировках в Америке и по их результатам выпустил ряд популяризаторских книжек об американском сельском хозяйстве. Прежде всего в своих сочинениях Тулайков обращал внимание на систему американского аграрного образования фермеров, особенности государственного управления сельским хозяйством и, конечно же, красочно описывал новейшие достижения американской агроиндустриализации.

К книжке Тулайкова «Организация распространения сельскохозяйственных знаний среди населения Соединенных Штатов»[126] предисловие писала жена Владимира Ленина Надежда Крупская, озаглавив его «Сельскохозяйственная пропаганда». В этом предисловии говорилось, что для поднятия производительности труда в земледелии громадное значение имеет сельскохозяйственная пропаганда, расширяющая мировоззренческий и профессиональный горизонт крестьян. По Крупской: «Уже война сыграла крупную роль в деле сельскохозяйственной пропаганды. Пленные немцы, австрийцы и пр., работая в крестьянских хозяйствах, вносили в работу новые приемы… Вообще война империалистическая и еще больше гражданская вырвала деревню из ее изолированности, оторванности от всего мира».[127] Надо отметить, что, пожалуй, тут Крупская, положительно оценивая обмен аграрным опытом среди военнопленных, странным образом забывает упомянуть, что в целом массовые разрушения и смерти на войне приводят, как правило, к большим, часто невосполнимым потерям как в материальном богатстве, так и в культурных знаниях. Далее в предисловии Крупская писала о расширении мировоззрения русских крестьян теперь уже за счет американского сельскохозяйственного знания, основанного прежде всего на живой практике, а не на мертвящей схоластике, что так ярко и доходчиво показал, по ее мнению, один из виднейших наших агрономов Н. М. Тулайков.

Сам Тулайков пытался из брошюры в брошюру про сельскую Америку найти какие-то общие ассоциации между аграрным образованием России и Америки. Корнельский университет – один из лидирующих центров американской аграрной науки – вызывал у него особые мысли и ассоциации.

В 1924 г. в брошюре «Как работает американская Петровка»[128] Тулайков писал: «Я побывал примерно в двух десятках университетов и сельскохозяйственных колледжей и несомненно, что колледж Корнельского университета состоит в первых рядах. Он и еще колледж в Канзасе как-то особенно близко напомнили мне нашу бывшую Петровскую, ныне Тимирязевскую академию со всем ее укладом и духом, за который так чтут и любят свою альма-матер все ученики».[129]

Но в чем Тулайков не находил никакого сходства, так это в организации официальной государственной поддержки сельскохозяйственной науки и образования двух стран. В брошюре «Сельскохозяйственные колледжи Соединенных Штатов» (1924) Тулайков достаточно откровенно высказал следующую критическую мечту «о том, что когда-либо наш архибюрократический Наркомзем на Старой площади в Москве, где с трудом можно найти хоть

---

[126] См.: *Тулайков Н. М.* Организация распространения сельскохозяйственных знаний среди населения Соединенных Штатов. М., 1923.

[127] Там же. С. 3.

[128] *Тулайков Н. М.* Как работает американская Петровка. М.: Новая деревня, 1924. С. 15.

[129] Там же. С. 13.

десяток человек, имеющих отношение к научной работе… сможет превратиться в некоторое подобие Вашингтонского департамента земледелия. Прекратятся заботы о платежных единицах, штатах, окладах, пайках, циркулярах и распоряжениях, а начнется действительная работа, которую надлежит вести в области сельского хозяйства объединяющему органу. РСФСР… Но это пока только теория и мечты… почти по всем вопросам местного сельского хозяйства зависим мы (Саратовский университет – место работы Тулайкова. – *А. Н.)* от областного уполномоченного Наркомата земледелия и директивы получаем с Вольской улицы в Саратове…».[130]

В последний раз в американской командировке Тулайков оказался в 1927 г. Эта поездка была более посвящена изучению новейших индустриальных технологий США. Ведь начиная с 1927 г. в преддверии форсированного рывка индустриализации советская власть стремилась посылать ученых в Америку прежде всего для исследования чудес американского агрофабричного прогресса. Тулайков в брошюре «Несколько впечатлений по поездке в Соединенные Штаты и Канаду»[131] дал емкие характеристики производительности американских сельскохозяйственных машин, организации машинной уборки хлеба, механизации молочных ферм, заводам по производству тракторов. Эта книжка закончена парой абзацев тревожно-отталкивающего описания финальной стадии знаменитого в то время по всему миру конвейера скотобойни «Свифт и Компания» в Чикаго: «Мы видели толстых, здоровенных, геркулесовски сложенных быкобойцев, которые методически, глазомерно прикинув положение своей жертвы, сильным ударом тяжелого молота по темени глушили прекрасных шортгорнов (порода крупного рогатого скота. – *А. Н.)*. Эти ничего не подозревающие животные по паре входили в клетку с откидным дном, стояли там две-три минуты… а в это время меланхолически ходящий боец приглядывался к положению головы животного и неожиданным ударом сваливал его с ног. Если оно не падало с первого удара, то он с такой же методичностью наносил второй, а надо и третий удар. Животное падало, дно камеры опускалось и живое, но оглушенное животное падало к ногам резака, который разрезал опять-таки методическим движением руки горло, спускал кровь, надевал цепь конвейера на ногу, и туша попадала на конвейер, где с ней проделывали все необходимое для превращения ее в тушу мяса. Мы ее видели потом в ряду прекрасно разделанных туш в холодильнике, где служащие ходят в теплой одежде и теплых галошах. Мы потом встречали ее на рынке, а потом, вероятно, кушали части ее в ресторанах за обедом или завтраком.

И здесь конвейер, методичность, какая-то неизбежность… И если по пути конвейера бесформенная болванка чугуна превращается чуть ли не в одухотворенную машину-трактор или автомобиль, то на таком же пути с той же неизбежностью живая свинья превращается в ветчину, сосиски, раз только она попадает на этот конвейер.

Но может быть не место на этих страницах философствовать на тему о конвейере в нашей жизни вообще. Но конвейер как система, как метод организации заслуживает самого серьезного внимания и должен быть продуман, именно с этой точки зрения, со всей серьезностью».[132]

На это сочинение Тулайкова обратил внимание сам Сталин, на Пленуме ЦК ВКП(б) (июль 1928 г.) цитировавший из тулайковской книжки целые куски, правда, не про конвейер, но про уникальные особенности громадных размеров американской зерновой фабрики в полемике с критиками форсированного развития крупных советских хозяйств в ущерб семейным крестьянским хозяйствам.

---

[130] Там же. С. 19.

[131] *Тулайков Н. М.* Несколько впечатлений по поездке в Соединенные Штаты и Канаду. Саратов, 1927.

[132] *Тулайков Н. М.* Несколько впечатлений по поездке в Соединенные Штаты и Канаду. Саратов, 1927. С. 22–23.

Несмотря на то что позитивное предисловие к одной тулайковской брошюре было написано Крупской, а другую тулайковскую брошюру положительно оценивал Сталин, в конвейере массовых репрессий 1937 г. погибнет уже не просто профессор, к тому времени академик, крупнейший российский и советский почвовед, Н. М. Тулайков. Впрочем, здесь мы в изложении сюжетов американо-российских аграрных взаимоотношений забежали вперед. Вернемся к началу 1920-х гг.

Н. П. Макаров: от популяризации американского сельского хозяйства к его теоретическому осмыслению

В 1919–1920 гг. на американском континенте провел два года в научной эмиграции крупнейший российский экономист-аграрник профессор Н. П. Макаров, соратник А. В. Чаянова по организационно-производственной школе. Если почвовед Тулайков писал свои тексты по образованию, организации и управлению в сельском хозяйстве США в основном в жанре научно-популярных брошюр, то экономист Макаров написал две книги об аграрной Америке в более фундаментальной академической манере, стремясь проанализировать действительно глубинные характеристики американского аграрного развития.

Впрочем, его первая монография «Как американские фермеры организовывали свое хозяйство»[133] носила и научно-популярный характер. Эта книжка представляла собой первое систематическое аналитическое изложение в российской экономической мысли социально-экономического положения и организационно-технического состояния американской семейной фермы в сравнении с русским крестьянским хозяйством.

В первой главе книги, так и озаглавленной «Русская семья и американский фермер», Макаров доказывал, что по преимуществу русское крестьянское хозяйство является семейным, трудовым и потребительным. У русского крестьянина семья стоит на первом месте и через ее социально-экономическую жизнь осуществляется ведение хозяйства. У американского фермера на первом месте стоит ферма как предприятие, бизнес: «Это предприятие, в которое затрачен капитал; это предприятие, которое должно давать доход… Такие хозяйства-предприятия скорее и легче начинаются, скорее и легче бросаются, чем это у нас в России».[134] При этом Макаров подчеркивал, что и американская семья, конечно, связана с американским фермерским хозяйством, но значительно иначе, чем в России.

В последующих главах книги Макаров показал тесную связь города и промышленности с американскими фермами в сравнении с гораздо меньшей значимостью городской индустрии для часто натурально хозяйствующих и автаркичных русских крестьянских селений. Детальные различия прослеживались и в отношении к земле у американского фермера и русского крестьянина, и в формах расселения – американские хутора, русские деревни.

Главное, по Макарову, сам социально-экономический тип американского фермера представлял собой четырехстороннее единство *предпринимателя-коммерсанта, механика, рабочего* и *знатока природы*. Макаров провел и сравнение этих четырех характеристик в социальном типе русского крестьянина. Первые две характеристики, столь присущие американскому фермеру, – коммерция и механика, по Макарову, были в целом мало развиты в русском крестьянстве. Третью характеристику – рабочего – Макаров в русском крестьянстве обнаруживал, наоборот, в высокой степени, но опять же с оговорками относительно американского фермера: «Русский крестьянин был хорошим рабочим; его орудия работы требовали хорошей силы мускулов; работа плугом, косой, серпом, лопатой, топором – работа нелегкая. От своей дневной работы он уставал к вечеру всем телом. Вечером он не мог читать газету или книжку, если даже и был грамотен; от дневной усталости голова склонялась ко сну и глаза сами закрывались…

Один старый фермер в довольно отдаленной части Соединенных Штатов, когда я увидел целую библиотеку у него в комнате, уверял меня, что почти одна треть его соседей-фер-

[133] См.: *Макаров Н. П.* Как американские фермеры организовывали свое хозяйство. Нью-Йорк, 1923.

[134] Там же. С. 23.

меров читает книжки или журналы по сельскому хозяйству… действительно не редкость встретить на ферме книги или журналы в шкафу или на полочке… Но для того чтобы читать по вечерам после работы, надо чтобы у человека еще оставались для этого силы и время; и они действительно остаются… Американский фермер должен быть силен физически, так как и у него много физической работы, но условия его работы совсем иные, огромная часть работ выполняется машинами…».[135]

Что касается последней характеристики – знания природы, то и здесь Макаров обнаруживал принципиальные различия в особенностях познаниях крестьянина и фермера: «Знает ли природу русский крестьянин? Безусловно, знает. Хороший хозяин знает то, "как растет трава"; он знает, как живут его лошадь, коровы и овцы; он знает, как растут растения; он чувствует, когда будет буря или дождь, знает, когда можно ждать мороза; очень многое такой хозяин расскажет о земле, о том, как она «остывает», «согревается» или «отдыхает»… Вековые наблюдения отцов передаются детям; крестьянин наблюдает природу и знает ее. *Но все это не дает ему такого знания природы, которого требует современное сельское хозяйство* (выделено мной. – *А. Н.*)».[136] Обращаясь к сельской Америке, Макаров отмечал, что и большинство американских фермеров не имеет достаточно современных сельскохозяйственных знаний, но американские фермеры уже способны формулировать вопросы, связанные с современным аграрным знанием, а главное они знают, где и как искать ответы: «Фермеры могут найти ответы на свои вопросы не только в книгах или журналах; они беседуют с агрономами или другими специалистами; важно то, что у фермеров есть запросы, им есть, что спросить… у тех, кто специально занят постоянным изучением природы».[137] Макаров приходит к выводу, что в целом достаточно высокий уровень грамотности американского фермера, особенно в сравнении с русским крестьянином, способствует успешной оптимизации четырех необходимых качеств сельского хозяина: предпринимательство, механика, работоспособность, знание природы. Причем в сельской Америке безусловно видна прямая зависимость между уровнем образования фермера и его экономическим преуспеянием.

Обращаясь в последующих главах книги к анализу повседневной жизни и работы американской фермы, Макаров везде обнаруживает неистребимый дух рациональной калькуляции в действиях американских фермеров, направленных на максимизацию дохода фермерского хозяйства. Само понимание дохода и отношение к нему у американца и русского, по мнению Макарова, глубоко различно. В России традиционно считалось, что величина дохода крестьянской семьи определяется возможностью в основном натурального воспроизводства ее существования на основе достаточно полного удовлетворения крестьянских семейных потребностей. В США ферма уже давно стала товаром. И фермер прежде всего смотрит, чтобы доход от его фермы мог покрывать проценты на капитал, вложенный в ферму. Поэтому «там, где мы (русские. – *А. Н.)* кончаем свои расчеты, там американский фермер их еще только начинает; оплатить содержание себя и своей семьи – это для него что-то само собой разумеющееся, без чего он о ферме и думать не станет… Доходом самого фермера… будет все то, что останется от всего чистого годового остатка по ферме за вычетом из этого чистого остатка процентов на капитал, вложенный в ферму, за вычетом расходов по содержанию семьи и расходов на оплату труда членов своей семьи на ферме, только то, что остается поверх этих вычетов из чистого остатка у фермера, только это и будет настоящим вознаграждением фермера».[138]

---

[135] *Макаров Н. П.* Как американские фермеры организовывали свое хозяйство. Нью-Йорк, 1923. С. 102.

[136] Там же. С. 154.

[137] *Макаров Н. П.* Как американские фермеры организовывали свое хозяйство. С.191.

[138] *Макаров Н. П.* Как американские фермеры организовывали свое хозяйство. Нью-Йорк, 1923. С. 117–118.

Книжка Макарова завершается главой «Общественные организации фермеров». Макаров отнюдь не идеализировал положение фермеров в Америке. В своей книге он отмечал, например, значительную тягостность для фермеров широко распространенных в сельском хозяйстве Америки арендных отношений. Также им отмечалось давление крупного агробизнеса на семейно-фермерские хозяйства США, при котором значительная часть аграрных доходов через предприятия-посредники и банковские кредиты изымалась, в конечном счете, из фермерской экономики. Тем важнее, подчеркивал Макаров, значение объединения фермеров в собственные разнообразные, прежде всего негосударственные и даже некоммерческие, общественные ассоциации. Макаров уделил специально детальное рассмотрение программам работы малого (волостного, по-русски) американского фермерского бюро. Отметил, как местные фермерские бюро тратят много времени и сил на создание особых товариществ среди фермеров, например кооперативов. И здесь Макаров опять обнаружил особенности американско-российского сходства-различия: «Надо отметить одну отличительную черту от бывших русских кооперативных организаций; у нас всегда для большого дела устраивался союз из кооперативов, в которые членами входили крестьяне; здесь, наоборот, фермеры входят сами членами в союзы для огромных предприятий; устраивать союзы и из кооперативов или товариществ фермеры не любят, и здесь это гораздо меньше принято, чем было в России».[139]

[139] Там же. С. 143.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.